

ДЖОРДЖ Р. Р.
МАРТИН

ПРИНЦЕССА
И КОРОЛАЕВА,
ИЛИ ЧЕРНЫЕ И ЗЕЛЕНЫЕ

ПРИНЦЕССА И КОРОЛЕВА, ИЛИ ЧЕРНЫЕ И ЗЕЛЕНЫЕ

*История о причинах, истоках, битвах и
предательствах наитрагичнейшего
кровопролития, известного как Танец Драконов,
изложенная архимейстером Гильдейном из
Цитадели Староместа*

(воспроизведена Джорджем Р.Р. Мартином)

Этот неофициальный перевод был осуществлен силами сообщества 7kingdoms.ru исключительно с целью углубленного изучения иностранного языка, не является коммерческим, не преследует извлечения прибыли и иных выгод. В переводе приняли участие: Xanvier Xanbie, Shtee, Айгер, Daenys, Thoros, el_bandito, Psyzoo, Daena, роберт и Xenia. Кроме того, редактированием перевода занимались ЛедиЛёд, Sergey190168, SolarBless, NightScorpion, роберт и Drezden.

«Танец Драконов»¹ – сего высокого именования удостоилась яростная междуусобная борьба за Железный трон Вестероса, которую вели две враждущие ветви дома Таргариенов в 129-131 годах после 3.Э.² До нелепости неуместным представляется нам описывать темные, бурные, кровавые деяния той эпохи как «танец» – нет сомнений, что такое рече измыслил некий певец. Намного вернее было бы именовать сие «Погибелью драконов», но традиции и время выжгли более поэтический оборот на страницах истории, а потому нам придется танцевать вместе со всеми прочими.

По смерти короля Визериса I Таргариена обнаружились два основных претендента на Железный трон: дочь Визериса Рейнира, единственное выжившее дитя от первого брака, и Эйгон, старший сын от второй супруги. В хаосе и кровопролитии, порожденных их соперничеством, заявляли о своих правах и другие короли – самозваные; подобно лицедеям на подмостках, они хорошились недели две или луну – и все лишь дабы пасть столь же скоро, сколь и вознеслись.

Танец разделил Семь Королевств надвое: лорды, рыцари и простой люд выказали поддержку одной стороне либо другой – и обратили оружие друг против друга. Даже сам дом Таргариенов разделился, ибо каждый из соперников втянул в войну родню, детей и свойственников. За два года противоборства пало многое множество великих лордов Вестероса, а в равной же степени их знаменосцев, рыцарей и простых подданных. Хотя королевский род

---

¹ Повесть «Принцесса и королева» хронологически является продолжением рассказа «Порочный принц»; обе были написаны в процессе работы Джорджа Мартина над путеводителем «Мир Льда и Пламени». В «Порочном принце» поясняются причины, приведшие к конфликту между Черными и Зелеными.

² Летоисчисление в Вестеросе ведется от событий, связанных с покорением Семи Королевств Эйгоном I Таргариеном, которые получили название «Завоевание Эйгона». Соответственно все исторические даты записываются: «до Завоевания Эйгона» (сокращенно «до 3.Э.») и «после Завоевания Эйгона» («после 3.Э.»). При этом датой, от которой непосредственно ведется отсчет времени, является день, когда Эйгон I был коронован и помазан верховным септоном в Звездной септе Староместа.

пережил войну, она преизрядно подорвала мощь Таргариенов, а число драконов – последних в мире – значительно уменьшилось.

Танец оказался войной особого рода, не похожей на любое иное противостояние во всей долгой истории Семи Королевств. Да, войска выступали в поход и сходились в яростной сече. Однако много более сражений совершилось на воде, а особенно – в воздухе, когда дракон бился с драконом зубами, когтями и пламенем. В равной степени сию войну отметили коварство, смертоубийство и предательство; ее вели кинжалами, ложью и ядом в темных углах и на ступенях лестниц, в палатах совета и дворах замков.

Вражда, что долгое время тлела, вспыхнула ярким пламенем на третий день третьей луны 129 года после 3.Э. В тот день в Красном замке Королевской Гавани больной, прикованный к постели король Визерис I Таргариен сомкнул глаза, дабы вздренуть, и умер, не проснувшись. Тело обнаружил слуга в час летучей мыши, когда король имел обыкновение выпивать чашу вина с пряностями. Слуга бросился докладывать королеве Алисенте, чьи покои находились под королевскими.

Он доставил скорбную весть непосредственно королеве и только ей одной, не поднимая общей тревоги. Кончины его милости уже некоторое время ожидали, и королева Алисента и ее партия, так называемые «зеленые»³, заранее приняли меры, разъяснив всем стражникам и слугам Визериса, что им надлежит делать в день смерти короля.

Королева Алисента тотчас же отправилась в опочивальню его милости в сопровождении сира Кристона Коля, лорда-командующего Королевской гвардии. Как только они

³ В 111 году после 3.Э., в Королевской Гавани состоялся большой турнир в честь пятой годовщины бракосочетания короля и королевы Алисенты. На открытии празднества королева была в зеленом платье, в то время как принцесса нарочито облачилась в цвета Таргариенов: красный и черный. Сие заметили, а позже завели обычай говорить о «зеленых» и «черных», имея в виду партию королевы и партию принцессы соответственно. Что до самого турнира, на нем возобладали черные, когда сир Кристон Коль, носящий знак отличия принцессы Рейниры, выбил из седла всех защитников королевы, в том числе ее младшего брата, сира Гвейна Хайтауэра, и двух более дальних родичей.

удостоверились, что Визерис почил с миром, ее милость повелела опечатать покой и приставить к ним охрану. Дабы быть уверенными, что слуга, нашедший короля мертвым, не распространит слух о том, его взяли под стражу. Сир Кристон вернулся в башню Белого Меча и отправил своих братьев по гвардии созывать членов Малого совета. Наступил час совы.

В те времена, как и сейчас, присяжное братство Королевской гвардии состояло из семи рыцарей, мужей испытанной верности и несомненной доблести, принесших торжественную клятву посвятить свою жизнь делу защиты короля и его близких. В Королевской Гавани во время смерти Визериса находилось лишь пять белых плащей: сам сир Кристон, сир Аррик Каргилл, сир Рикард Торн, сир Стеффон Дарклин и сир Уиллис Фелл. Сир Эррик Каргилл (брать-близнец сира Аррика) и сир Лорент Марбранд не участвовали в происходящем. Они пребывали с принцессой Рейнирой на Драконьем Камне и не ведали о том, что их братья по оружию отправились в ночь, дабы поднять членов Малого совета из постелей.

Вот кто собрался в покоях королевы, пока наверху остывало тело ее лорда-супруга: сама королева Алисента; отец ее сир Отто Хайтауэр, десница короля; сир Кристон Коль, лорд-командующий Королевской гвардии; великий майстер Орвиль; лорд Лиман Бисбери, мастер над монетой, старик восьмидесяти лет; сир Тайленд Ланнистер, мастер над кораблями, родной брат лорда Утеса Кастерли; Ларис Стронг по прозванию Косолапый Ларис, лорд Харренхолла и мастер над шептунами; и лорд Джаспер Уайлд, прозванный Железным Посохом, мастер над законами.

Великий майстер Орвиль открыл заседание перечислением обычных обязанностей и дел, которые полагалось исполнить по смерти короля. Он объявил:

– Надобно призвать септона Юстаса, дабы тот совершил последние таинства и помолился за упокой души его милости. Еще должно без промедления отправить ворона на Драконий Камень –

известить принцессу Рейниру о кончине ее отца. Возможно, ее милость королева изволит написать послание, дабы смягчить сию горестную весть несколькими словами соболезнования? Далее, о смерти короля всегда объявляют колокольным звоном – за сим кому-то надобно проследить, и, конечно, нам надлежит начать приготовления к коронации королевы Рейниры...

Сир Otto Хайтауэр оборвал его:

– Все перечисленное должно отложить, – заявил он, – пока не разрешится вопрос престолонаследия.

Будучи десницей, сир Otto был полномочен говорить голосом короля, даже восседать на Железном троне в его отсутствие. Визерис даровал ему право властвовать над Семью Королевствами, и власти сей предстояло длиться «до той поры, пока не будет коронован наш новый король».

– Пока не будет коронована наша новая королева, – язвительно ввернул лорд Бисбери.

– Король, – возразила королева Алисента. – По справедливости Железному трону должно перейти к старшему законнорожденному сыну его милости.

Последовавший за тем спор продолжался всю ночь до рассвета. Лорд Бисбери выступал от имени принцессы Рейниры. Престарелый мастер над монетой, служивший королю Визерису в течение всего правления последнего, а до того и деду Визериса, Старому королю Джейхейрису, напомнил Совету: что Рейнира старше своих единокровных братьев; что в ней больше крови Таргариенов; что покойный король сам избрал ее своей наследницей; что Визерис неоднократно отказывался изменить порядок престолонаследия, невзирая на мольбы королевы Алисенты и ее зеленых; что сотни лордов и ленных рыцарей в 105 году после 3.Э. склонились перед принцессой и торжественно поклялись защищать ее права.

Но сии слова разбились о глухую стену. Сир Тайлэнд указал, что многие из лордов, поклявшихся защищать право наследования принцессы Рейниры, уже давно скончались.

– Прошло двадцать четыре года, – сказал он. – Сам я подобной клятвы не приносил – в то время был еще ребенком.

Железный Посох, мастер над законами, сослался на Великий совет 101 года, и выбор Старого короля в пользу Бейлона, а не Рейнис в 92 году, затем пристранно рассуждал об Эйгоне Завоевателе и его сестрах, и о священной андальской традиции, по которой права законнорожденного сына всегда выше прав всего лишь дочери. Сир Отто напомнил им, что супруг Рейниры – не кто иной, как принц Деймон.

– Мы все знаем его натуру. Несомненно, как только Рейнира сядет на Железный трон, править нами будет Деймон, король-супруг еще более неумолимый и жестокий, нежели когда-либо был Мейгор. Не сомневаюсь, что мне первому отрубят голову, но ваша королева и моя дочь вскоре последует за мной.

Десница вторила королева Алисента:

– Они не пощадят и моих детей, – объявила она. – Эйгон и его братья – законнорожденные сыновья короля, обладающие большими правами на престол, нежели ее выводокbastardов. Деймон отыщет какой-нибудь предлог предать смерти всех. Даже Хелейну с ее малышами. Нельзя забывать, что один из сих Стронгов лишил Эймона глаза. Верно, в то время он был мальчиком, но из мальчика вырастает мужчина, а bastards по натуре своей суть чудовища.

Высказался и сир Кристон Коль. Он напомнил Совету – если принцесса примет власть, после нее будет править Джекейрис Веларион:

– Да спасут Семеро сие государство, если мы посадим bastarda на Железный трон!

Он говорил о распутстве Рейниры и бесчестию ее супруга:

– Они превратят Красный замок в бордель. Ничья дочь не будет в безопасности, ничья жена. Даже мальчики... мы знаем, кем был Лейнор.

Нет записей о том, что во время сих споров лорд Ларис Стронг вымолвил хотя бы слово, однако в том нет ничего необычного. Хоть и бойкий на язык, когда надобно, мастер над шептунами берег свои слова, ровно скряга – монеты, предпочитая не говорить, но слушать.

– Если мы поступим так, сие неизбежно приведет к войне, – предупредил совет великий майстер Орвиль. – Принцесса не станет покорно стоять в стороне, и у нее есть драконы.

– И друзья, – объявил лорд Бисбери. – Люди чести, которые не забудут обетов, принесенных ей и ее отцу. Я стар, но не настолько, дабы смиленно сидеть здесь, пока подобные вам замышляют украсть принадлежащую ей корону.

Сказав так, он встал, дабы выйти вон.

Но сир Кристон Коль толкнул его обратно в кресло и рассек ему горло кинжалом.

Таким образом, первая кровь, пролитая в Танце Драконов, принадлежала лорду Лиману Бисбери, мастеру над монетой и лорду-казначею⁴ Семи Королевств.

Никаких иных возражений после его смерти не последовало. И остаток ночи прошел в обдумывании коронации нового короля (все согласились, что дело должно совершить быстро) и составлении списков возможных союзников и предполагаемых противников на тот случай, если принцесса Рейнира откажется признавать восшествие Эйгона на престол. То, что принцесса в ожидании родов безотлучно пребывала на Драконьем Камне, давало зеленым королевы Алисенты преимущество: чем дольше Рейнира будет в неведении о смерти короля, тем позднее она начнет действовать.

– Может быть, шлюха помрет родами, – сказала королева Алисента.

Ни один ворон не вылетел той ночью. Ни один колокол не зазвонил. Слуг, знавших о кончине короля, отправили в темницы. На сира Кристона Коля возложили обязанность взять под стражу

---

⁴ В оригинальном тексте должность лорда Бисбери действительно имеет двойное название: «master of coin and lord treasurer of the Seven Kingdoms».

оставшихся при дворе «черных»: тех лордов и рыцарей, кто мог склониться на сторону принцессы Рейниры.

– Не чините им зла, если они не окажут сопротивления, – повелел сир Otto Хайтауэр. – Те, кто преклонит колена и присягнет на верность королю Эйгону, не пострадают от наших рук.

– А те, кто так не поступит? – спросил великий майстер Орвиль.

– Изменники, – сказал Железный Посох, – и должно им умереть смертью изменников.

И тогда лорд Ларис Стронг, мастер над шептунами, заговорил в первый и единственный раз.

– Да будем мы первыми, кто поклянется, – молвил он, – дабы не было изменников и среди нас.

Обнажив свой кинжал, Косолапый провел им поперек ладони.

– Клятва крови, – потребовал он, – что свяжет всех нас вместе, сделав братьями до смерти.

И потому каждый из заговорщиков разрезал свою ладонь и пожал руку другим, присягнув братству. Королеву Алисенту, единственную из них, освободили от принесения клятвы, ибо она была женщиной.

Над городом вставала заря, когда Алисента послала королевских гвардейцев, дабы они привели на совет ее сыновей. Принц Дейрон, кротчайший из ее детей, оплакивал кончину своего родителя. Одноглазого принца Эймона, девятнадцати лет от роду, отыскали в оружейной. Он облачался в кольчугу и латы для утренних занятий во дворе замка.

– Эйгон ли теперь наш король? – спросил он сира Уиллиса Фелла. – Или же нам должно преклонить колена и поцеловать щель старой потаскухи?

Принцесса Хелейна завтракала со своими детьми, когда гвардейцы пришли к ней... но на вопрос о местонахождении принца Эйгона, ее брата и супруга, она лишь ответила:

– Будьте уверены, он не в моей постели. Если желаете, можете поискать под одеялами.

Принца Эйгона нашли с некоей возлюбленной. Поначалу принц отказывался становиться частью замысла своей матери.

– Наследницей является моя сестра, а не я, – говорил он. – Какой брат украдет у сестры первородство?

Эйгон заколебался лишь после того, как сир Кристон убедил наследника, что принцесса, надев корону, наверняка казнит и самого принца, и его братьев.

– Пока хоть один законнорожденный Таргариен жив, ни один Стронг не может надеяться сесть на Железный трон, – сказал Коль. – Если Рейнира пожелает передать после себя власть своимbastardам, у нее не останется иного выбора, кроме как снять ваши головы с плеч.

Только сие, и ничто иное, сподвигло Эйгона принять предложенную Малым советом корону.

Сир Тайлэнд Ланнистер, объявленный мастером над монетой вместо покойного лорда Бисбери, немедленно начал действовать, завладев королевской сокровищницей. Золото короны разделили на четыре части. Одну из них вверили Железному банку Браавоса, другую под мощной охраной отослали в Утес Кастерли, третью – в Старомест. Остаток богатства предназначили для подкупа и даров, а равно для оплаты наемников в случае нужды.

Дабы заместить сира Тайленда на посту мастера над кораблями, сир Отто обратил взор на Железные острова и отправил ворона к Дальтону Грейджою по прозванию Красный Krakен, отважному и кровожадному Лорду-Жнецу Пайка шестнадцати лет от роду, предложив ему адмиральское звание и место в совете за его преданность.

Прошел день, за ним другой. Ни септонов, ни Молчаливых Сестер не призвали в опочивальню, где лежало раздувшееся и гниющее тело короля Визериса. Не зазвонил ни один колокол. Вороны вылетели, но не на Драконий Камень. Вместо сего они направились в Старомест и Утес Кастерли, в Риверран и Хайгарден, и

ко многим другим лордам и рыцарям, которые, как королева Алисента имела причины думать, могли питать приязнь к ее сыну.

Извлекли на свет и тщательно изучили анналы Великого совета 101 года. Взяли на заметку, какие лорды поддержали тогда Визериса, а какие – Рейнис, Лейну или Лайнора. Собравшиеся лорды отдали предпочтение наследнику-мужчине перед женщиной с перевесом двадцать к одному. Но имелись и несогласные; такие дома с наибольшей вероятностью оказали бы поддержку Рейнире, если бы дело дошло до войны. Сир Otto счел, что принцесса заполучит Морского Змея и его корабли и, вероятно, других лордов восточного побережья: прежде всего – лордов Бар-Эмона, Масси, Селтигара и Крэбба; возможно, даже Вечернюю Звезду Тарта. То были силы невеликие, за исключением Веларионов. Северяне внушали более опасений: в Харренхолле Винтерфелл высказался в пользу Рейнис, как и знаменосцы лорда Старка – Дастин из Барроутона и Мандерли из Белой Гавани. На дом Арренов также нельзя было положиться, ибо в Орлином Гнезде ныне правила женщина – леди Джейн, Дева Долины, чьи права в случае отстранения принцессы Рейниры становились равно сомнительными.

Наивеличайшей опасностью виделся Штурмовой Предел, ибо дом Баратеонов всегда был преданным сторонником притязаний принцессы Рейнис и ее детей. Хотя старый лорд Боремунд скончался, его сын Боррос воинственностью даже превосходил отца; не приходилось сомневаться, что малые штурмовые лорды последуют за ним, куда бы он их ни повел.

– Значит, нужно позаботиться, дабы лорд Боррос привел их к нашему королю, – заключила королева Алисента, после чего послала за своим вторым сыном.

Таким образом, в Штурмовой Предел в тот день отправился не ворон, но Вхагар, наистарейшая и наигромаднейшая изо всех драконов Вестероса. На ее спине восседал принц Эймонд Таргариен – с сапфиром на месте отсутствующего глаза.

Сир Otto, дед Эймонда, указал принцу, прежде чем тот вылетел:

– Твоя цель – добиться руки одной из дочерей лорда Баратеона. Сгодится любая из четырех. Очаруй девушку и заключи брак, и лорд Боррос предоставит твоему брату штурмовых лордов. А если подведешь...

– Я не подведу, – хвастливо ответил Эймонд. – Эйгон получит Штурмовой Предел, а я – девицу.

Ко времени отбытия принца Эймонда смрад из опочивальни покойного короля растекся по всей крепости Мейгора, и множество диких историй и слухов разошлось по двору и замку. Темницы под Красным замком поглотили столь многих людей, заподозренных в неблагонадежности, что исчезновениями заинтересовался даже верховный септон. В письме, присланном из Звездной септы Староместа, он спрашивал о некоторых из пропавших. Сир Otto Хайтаэр, найдотошнейший из людей, когда-либо занимавших пост десницы, желал для приготовлений большего времени, но королева Алисента понимала, что откладывать далее нельзя. Принц Эйгон устал от скрытности.

– Король я или нет? – спрашивал он свою мать. – Если король, то коронуйте меня.

Перезвон колоколов,озвавший завершение правления, раздался на десятый день третьей луны 129 года после 3.Э. Великому майстеру Орвилю наконец дозволили разослать воронов, и черные птицы поднялись в воздух сотнями, неся известие о восшествии Эйгона на престол во все отдаленные уголки королевства. Послали за Молчаливыми Сестрами, дабы подготовить тело к сожжению. Всадники на бледных конях понесли весть людям Королевской Гавани, возглашая:

– Король Визерис мертв, да здравствует король Эйгон!

Услышав те крики, одни приветствовали их, другие плакали, но большая часть простонародья глядела молча, сбитая с толку и настороженная. А время от времени раздавались голоса, восклицавшие:

– Да здравствует наша королева!

Тем временем шли спешные приготовления к коронации, местом проведения которой избрали Драконье Логово. Каменные сидения под его исполинским куполом могли вместить восемьдесят тысяч человек. А толстые стены, прочная крыша и мощные бронзовые двери Логова позволяли оборонить его, попытайся изменники сорвать торжество.

В назначенный день сир Кристон Коль возложил железную с рубинами корону Эйгона Завоевателя на чело старшего сына короля Визериса и королевы Алисенты, провозгласив его Эйгоном из дома Таргариенов, вторым сего имени, королем андалов, ройнаров и Первых Людей, владыкой Семи Королевств и Защитником Державы. Его мать, королева Алисента, любимая простонародьем, увенчала собственной короной голову Хелейны, супруги и сестры Эйгона. Расцеловав ее в обе щеки, мать преклонила перед дочерью колена и промолвила, опустив голову:

– Моя королева!

Поскольку верховный септон Староместа был уже излишне старым и дряхлым для поездки в Королевскую Гавань, помазать чело Эйгона святыми елеями и благословить его семью именами бога выпало септону Юстасу. Кое-кто из присутствовавших, чей глаз был острее, нежели у других, мог заметить, что рядом с новым королем находилось лишь четыре белых плаща, а не пять, как ранее. Прошедшей ночью Эйгон II претерпел первое отступничество: сир Стеффон Дарклин из Королевской гвардии ускользнул из города вместе со своим оруженосцем, двумя стюардами и четырьмя стражниками. Под покровом тьмы они пробрались через задние ворота к месту, где ожидал рыбачий ялик, дабы доставить их на Драконий Камень. Они везли с собой украденную корону: обруч желтого золота, украшенный семью камнями разных цветов, что носил король Визерис, а до него Старый король Джейхейрис. Когда принц Эйгон предпочел носить железный с рубинами венец Завоевателя, чьим именем его нарекли, королева Алисента повелела

спрятать корону Визериса под замок. Стюард же, получивший указание, взамен того сбежал вместе с ней.

После коронации оставшиеся королевские гвардейцы препроводили Эйгона к его дракону, великолепному созданию с блиставшей золотом чешуей и нежно-розовыми перепонками крыльев. Дракона золотого рассвета нарекли именем Солнечный Огонь. Манкан повествует, что король трижды облетел вокруг города, после чего опустился в стенах Красного замка. Сир Аррик Каргилл провел его милость в освещенный факелами Тронный зал, где Эйгон II взошел по ступеням Железного трона в присутствии тысячи лордов и рыцарей. Здравицы гремели по всему залу.

На Драконьем Камне криков радости не звучало. Напротив, по чертогам и лестницам башни Морского Дракона эхом отдавались вопли. Они исходили из покоев королевы, где Рейнира Таргариен тужилась и содрогалась в родовых муках уже третий день. Дитя ожидалось не ранее следующей луны, но вести из Королевской Гавани привели принцессу в черную ярость. Сей гнев, вероятно, и вызвал роды, будто бы дитя внутри нее также было разъярено и стремилось выбраться наружу. Все время, пока длились роды, принцесса выкрикивала проклятия, призывая гнев богов на единокровных братьев и их мать-королеву; она расписывала, каким пыткам подвергнет их, прежде чем дозволит умереть. Она проклинала также и ребенка внутри себя:

– Вылезь! – кричала принцесса, царапая свой вздутый живот, пока мейстер и повитуха пытались сдержать её. – Убирайся, чудище, убирайся, вон, вон, ВОН!

Когда дитя, наконец, появилось на свет, то действительно оказалось чудовищем: мертворожденная девочка, искривленная и неправильно сложенная, с дырой в груди на месте сердца и коротким и толстым чешуйчатым хвостом. Мертвую девочку нарекли Висеней – так объявила принцесса Рейнира на следующий день, когда маковое молоко притупило остроту ее боли:

– То была моя единственная дочь, а ее убили. Они украли у меня корону и погубили дочь. И они за все ответят!

Итак, Танец начался, когда принцесса созвала свой собственный совет – «Черный совет», противопоставив его «Зеленому совету» Королевской Гавани. Рейнира возглавила совет вместе со своим дядей и супругом принцем Деймоном. Присутствовали и три ее сына, хотя ни один из них еще не достиг возраста зрелости (Джайсу исполнилось пятнадцать, Люку четырнадцать, а Джоффри двенадцать). На их стороне стояли два королевских гвардейца: сир Эррик Каргилл, близнец сира Арика, и сир Лорент Марбранд, рожденный в Западных Землях. Остальной гарнизон Драконьего Камня составляли тридцать рыцарей, сотня арбалетчиков и триста латников – сие всегда считалось достаточным для столь могучей крепости. Принц Деймон угрюмо заметил:

– Как орудие завоевания наше воинство, однако, оставляет желать лучшего.

Также в Черном совете заседало с дюжину малых лордов, знаменосцев и вассалов Драконьего Камня, в их числе: Селтигар с Клешни, Стонтон из Грачиного Приюта, Масси из Камнепляса, Бар-Эммон с Острого Мыса и Дарклин из Сумеречного Дола. Однако наивеличайшим лордом, обещавшим принцессе свою поддержку, был Корлис Веларион из Дрифтмарка. Невзирая на то, что Морской Змей был уже далеко не молод, он любил повторять, что цепляется за жизнь, «как тонущий матрос за обломок идущего ко дну корабля. Может, Семеро сохранили меня для сего последнего боя».

С лордом Корлисом явилась и его супруга, принцесса Рейнис, пятидесяти пяти лет от роду. Ее лицо было морщинистым и высохшим, в серебряных волосах мелькала седина, но принцесса оставалась столь же неистовой и бесстрашной, как и в двадцать два – женщина, которую простолюдины порой называли «Почти Королевой».

Заседавшие в Черном совете считали себя верноподданными, но прекрасно знали, что Эйгон II объявит их изменниками. Каждый уже

получил вызов из столицы с требованием явиться в Красный замок, дабы принести клятву верности новому королю. Все их войска в совокупности не сравнились бы с силами, которые могли выставить против них одни только Хайтауэры. У зеленых Эйгона имелись также и другие преимущества. Они держали все три наивеличайших и наибогатейших города королевства: Старомест, Королевскую Гавань и Ланниспорт. Эйгону принадлежал каждый зримый символ законности. Он восседал на Железном троне. Он жил в Красном замке. Он носил корону Завоевателя, владел мечом Завоевателя и был помазан септоном Святой веры под взорами десятков тысяч. Великий мейстер Орвиль ходил в его советниках, и сам лорд-командующий Королевской гвардии возложил корону на его царственное чело. И он был мужчиной, что в глазах многих делало Эйгона законным королем, а его единокровную сестру – узурпаторшой.

Против всего перечисленного преимущества Рейниры были невелики. Кое-кто из лордов постарше мог еще вспомнить о клятвах, принесенных ими, когда ее провозгласили принцессой Драконьего Камня и наследницей отца. То было время, когда принцесса была равно любима и высокородными, и простонародьем, когда ее величали Отрадой Королевства. Немало молодых лордов и благородных рыцарей искало ее благосклонности тогда... Но сколь многие из них сразились бы за Рейниру ныне, когда она стала замужней женщиной с постаревшим и располневшим от шести родов телом? На сей вопрос никто не возмог бы ответить. Хотя единокровный брат захватил казну их отца, принцесса имела в своем распоряжении богатство дома Веларионов, а корабли Морского Змея дали ей перевес на море. Ее супруг принц Деймон, испытанный и закаленный на Ступенях, боевым опытом превосходил всех их противников, вместе взятых. И последнее (но далеко не самое маловажное) – у Рейниры были ее драконы.

– Как и у Эйгона, – заметил лорд Стонтон.

– У нас их больше, – молвила принцесса Рейнис, Почти Королева, что была драконьей всадницей долее всех остальных. – И наши крупнее и сильнее – исключая Вхагар. Здесь, на Драконьем Камне, они растут лучше всего.

Рейнис перечислила Совету всех. Король Эйгон владел Солнечным Огнем, великолепным зверем, хотя и молодым. Эймонд Одноглазый летал на Вхагар, и опасность, что представляла драконица королевы Висенни, отрицать было невозможно. Королева Хелейна являлась наездницей Пламенной Мечты, что некогда носила сквозь облака сестру Старого короля Рейну. Принцу Дейрону принадлежала Тессарион, чьи крылья были темно-синими ровно кобальт, а когти, гребень и чешуя на брюхе сияли, как чеканная медь.

– Всего четыре дракона боевой величины, – заключила Рейнис. У близнецов, детей королевы Хелейны, также имелись драконы, однако еще детеныши; а Мейлор, младший сын узурпатора, обладал всего лишь яйцом.

Противопоставить сему принц Деймон мог Караксеса, а принцесса Рейнира – Сиракс, зверей великих и грозных. Караксес ужасал особливо, а после Ступеней стал привычен к огню и крови. Драконьими всадниками были все три сына Рейниры от Лейнора Велариона; а Вермакс, Арракс и Тираксес постоянно росли, становясь с каждым годом все крупнее. Эйгон Младший, старший из двух сыновей Рейниры от принца Деймона, повелевал юным драконом Грозовое Облако – хотя принцу еще только предстояло оседлать его. Его младший брат Визерис не расставался со своим яйцом. Драконица принцессы Рейнис, Мелеис Красная Королева, обленилась, но, будучи во гневе, все одно внушала страх. Близнецы принца Деймона, рожденные от Лейны Веларион, также могли стать наездницами. Драконица Бейлы, изящная бледно-зеленая Лунная Плясунья, вскоре должна была вырасти настолько, что могла бы носить девочку на своей спине. Из яйца ее сестры Рейны вылупилось хилое создание, испустившее дух спустя немногие часы после выхода на свет. Однако у Сиракс недавно появилась новая кладка, и одно из

тех яиц отдали Рейне. Говорили, что девочка спала с ним каждую ночь, молясь о драконе, сравнимом с Лунной Плясуньей.

Сверх того, еще шесть драконов обустроили свои логовища в дымных пещерах Драконьей горы, возвышающейся над замком. То были: Среброкрылая, в станину летавшая под седлом Доброй королевы Алисанны; Морской Туман, светло-серый зверь, гордость и страсть покойного сира Лейнора Велариона; древний Вермитор, не знавший седла со смерти короля Джейхейриса. И три диких дракона обитали на дальнем склоне горы. Они не были приручены и никогда не носили всадника, будь то ныне живущий человек или уже скончавшийся. Простолюдины нарекли их Овцекрадом, Серым Призраком и Каннибалом.

– Стоит отыскать всадников для Среброкрылой, Вермитора и Морского Тумана, и у нас будет девять драконов против четырех у Эйгона. Если оседлать их диких родичей, у нас будет двенадцать, даже без Грозового Облака, – отметила принцесса Рейнис. – Войну мы выиграем именно так.

Лорды Селтигар и Стонтон согласились. Эйгон Завоеватель и его сестры доказали, что перед драконьим огнем не могут устоять ни рыцари, ни ратники. Селтигар убеждал принцессу вылететь к столице немедленно и оставить от города пепел и кости.

– Да как же нам сие послужит, милорд? – требовательно вопросил его Морской Змей. – Мы хотим править городом, а не сжигать его дотла.

– До такого никогда не дойдет, – настаивал Селтигар. – Узурпатору не останется выбора, кроме как выставить против нас своих драконов. Наши девять неизбежно сокрушат его четверых.

– И какой же ценой? – поинтересовалась принцесса Рейнира. – Напомню вам, что на трех драконах вылетели бы мои сыновья. И нас будет никак не девять против четырех. Еще какое-то время я буду недостаточно здорова, дабы летать. И кто оседлает Среброкрылую, Вермитора и Морского Тумана? Вы, милорд? Я так не думаю.

Получится лишь пять против четырех, и одной из четверки будет Вхагар. Отнюдь не преимущество.

Как ни странно, принц Деймон согласился со своей женой.

– На Ступенях мои враги научились бежать и прятаться, едва завидев крылья Караксеса или заслышав его рев... однако же, у них не имелось своих драконов. Человеку непросто стать драконоборцем. Но драконы могут убивать себе подобных, и убивают – сие вам подтвердит любой майстер, когда-либо изучавший историю Валирии. Против драконов узурпатора наших я выставлю лишь при отсутствии иного выбора. Ими можно распорядиться и иначе. Более разумно...

Затем принц изложил Черному совету собственные замыслы. Рейнире должно короноваться в ответ на коронацию Эйгона. А после они разошлют воронов, призывая лордов Семи Королевств объявить о своей преданности истинной королеве.

– Прежде чем переходить к битвам, нам надлежит сию войну вести словами, – заявил принц. Деймон настаивал, что ключ к победе держат лорды великих домов – куда они поведут, туда и последуют их знаменосцы и вассалы. Эйгон Узурпатор завоевал верность Ланнистеров с Утеса Кастерли. Лорд Тирелл из Хайгардена еще не вышел из пеленок, а мать малыша, будучи его регентом, вероятнее всего, повела бы Простор за своими излишне могущественными знаменосцами Хайтауэрами... но прочим великим лордам королевства еще только предстояло высказаться.

– Штурмовой Предел выступит на нашей стороне, – объявила принцесса Рейнис. В ней самой имелась кровь Баратеонов – по линии матери, и покойный лорд Боремунд всегда был наивернейшим другом Почти Королевы.

У принца Деймона имелись весомые причины надеяться, что и Дева Долины также приведет Орлиное Гнездо на их сторону. Эйгон, как он полагал, определенно станет искать поддержки Пайка – на море только Железные Острова могли надеяться сравниться по силе с домом Веларионов. Но непостоянство Железных людей было

известно всем, а Дальтон Грейджой любил кровь и битвы – его легко можно было убедить поддержать принцессу.

Север, как рассудил совет, расположен излишне далеко, дабы сыграть значимую роль в борьбе: к тому времени, как Старки созовут свои знамена и выступят на юг, война вполне может и окончиться. Оставались только речные лорды, известная своей задиристостью братия, управляемая (по крайней мере, на словах) домом Талли из Риверрана.

– У нас есть друзья в Речных Землях, – говорил принц, – пусть пока и не все они осмеливаются показать свое лицо. Нам нужна точка опоры на материке – место, где их возможно собрать. Достаточно большое, дабы вместить значительное войско, и достаточно хорошо укрепленное, дабы сдержать любую рать, которую узурпатор может послать против нас.

Принц указал лордам на карте:

– Здесь. В Харренхолле.

Так и решили. Принц Деймон на Караксесе возглавит штурм Харренхолла. Принцесса Рейнира останется на Драконьем Камне до той поры, пока не восстановит свои силы. Флот Веларионов, отплыв из Дрифтмарка и с Драконьего Камня, перекроет Глотку⁵, дабы преградить путь любому кораблю, идущему в Черноводный залив либо из него.

– Нам не хватает мощи, дабы взять Королевскую Гавань штурмом, – сказал принц Деймон. – Но и нашим противникам нечего надеяться на захват Драконьего Камня. К тому же Эйгон – зеленый мальчишка, а юнцов легко раззадорить. Может статья, мы вынудим его опрометчиво напасть.

Морской Змей возглавит флот, тогда как принцесса Рейнис полетит над кораблями, дабы уберечь их от нападения драконов неприятеля. Тем временем разлетятся вороны: в Риверран, в

---

⁵ В Вестеросе топоним Глотка применяют к проливу, который соединяет Черноводный залив с Узким морем. В этом проливе расположен и остров Драконий Камень, и другие малые острова. Глоткой называют воды как к северу, так и к югу от Драконьего Камня.

Орлиное Гнездо, в Штормовой Предел и на Пайк, дабы получить верность великих лордов.

И тогда высказался Джекейрис, старший сын королевы:

– Те послания надлежит нести нам, – заявил он, – драконы завоюют лордов быстрее, нежели вороны.

Люцерис согласился с братом, уверяя, что-де и он, и Джейс – уже мужчины, или же столь близки к тому, что разница незаметна.

– Наш дядя называет нас Стронгами и утверждает, что мыbastарды, но когда лорды узят нас верхом на драконах, то убедятся в его лживости. Лишь Таргариены могут быть драконьими всадниками.

В разговор вмешался даже юный Джоффри – он вызвался оседлать своего дракона Тираксеса и присоединиться к братьям.

Принцесса Рейнира запретила сие, ибо Джоффу было лишь двенадцать. Но Джекейрису исполнилось пятнадцать, Люцерису четырнадцать; они долго служили оруженосцами и были сильными и крепкими парнями, искусными во владении оружием.

– Если вы и отправитесь, то лишь вестниками, а не воинами, – молвила принцесса своим сыновьям. – И вам не должно ввязываться ни в какие схватки.

Ее милость согласилась назначить юношей своими посланниками, лишь когда оба принесли торжественные клятвы на «Семиконечной Звезде». Решили, что Джейс, как старший из братьев, возьмет на себя более длительное и опасное задание: сначала полетит в Орлиное Гнездо, дабы договориться с леди Долины; затем в Белую Гавань – заполучить лорда Мандерли; и, наконец, в Винтерфелл – встретиться с лордом Старком. Миссия Люка задумывалась более краткой и безопасной – он вылетит в Штормовой Предел, где, как ожидалось, лорд Боррос Баратеон окажет ему теплый прием.

На следующий же день провели поспешную коронацию. Поводом для великой радости на Драконьем Камне стало прибытие сира Стеффона Дарклина, еще недавно бывшего рыцарем

Королевской Гвардии Эйгона, особливо когда выяснилось, что он и его сотоварищи («перевертыши», как поименовал их сир Отто, назначая награду за их поимку) доставили похищенную корону Джейхейриса Миротворца. Триста пар глаз взирали на то, как принц Деймон Таргариен возложил венец Старого короля на чело супруги, провозгласив ее Рейнирой из дома Таргариенов, первой сего имени, королевой андалов, ройнаров и Первых Людей. Принц принял титул Зашитника Державы, а Рейнира нарекла своего старшего сына Джекейриса принцем Драконьего Камня и наследником Железного трона.

Первым же королевским указом ее милость объявила сира Отто Хайтауэра и королеву Алисенту изменниками и мятежниками.

– Что же до моих единокровных братьев и милой сестры Хелейны, – возвестила Рейнира, – то их ввели в заблуждение советы дурных людей. Пусть явятся на Драконий Камень, преклонят колена и попросят моего прощения, и я с радостью сохранию их жизни и вновь впущу в свое сердце. Ибо они – моей крови, а ни один человек не проклят так, как убийца родичей.

На следующий день до Красного замка дошла весть о коронации Рейниры – к величайшей досаде Эйгона II.

– Мои единокровная сестра и дядя повинны в государственной измене, – объявил молодой король. – Я хочу, чтобы их лишили всех прав! Я хочу, чтобы их взяли под стражу! Я хочу, чтоб они были мертвы!

Более холодные головы в Зеленом совете желали переговоров.

– Принцессе нужно дать понять, что ее дело безнадежно, – высказался великий майстер Орвиль. – Брату не пристало воевать с сестрой. Пошлите меня к ней, дабы мы могли поговорить и прийти к полюбовному соглашению.

Эйгон и слышать о том не желал. Септон Юстас сообщает, что его милость обвинил великого майстера в вероломстве и заговорил о том, дабы бросить его в черный мрак темницы «к его черным друзьям». Но когда обе королевы – как его мать Алисента, так и

супруга Хелейна – высказались в пользу предложения Орвиля, король неохотно уступил. И вот великого майстера Орвиля под мирным знаменем отправили через Черноводный залив со свитой, что включала сира Аррика Каргилла из Королевской гвардии и сира Гвейна Хайтауэра из золотых плащей, а также десятка два писцов и септонов.

Эйгон предлагал щедрые условия. Если принцесса признает его королем и склонится перед Железным троном, Эйгон II подтвердит ее права на Драконий Камень и позволит передать остров и замок по наследству ее сыну Джекейрису. Второго сына, Люцериса, признают законным наследником Дрифтмарка, владений и земель дома Веларионов. Ее сыновья от принца Деймона, Эйгон Младший и Визерис, получат почетные места при дворе: первый станет королевским оруженосцем, а второй – виночерпием. Тем лордам и рыцарям, что предательски сговаривались с ней против истинного короля, даруют прощение.

Рейнира выслушала сии условия в гробовом молчании, а затем спросила Орвиля, помнит ли тот ее отца, короля Визериса.

– Разумеется, ваша милость, – отозвался майстер.

– Возможно, вы можете сказать нам, кого он назвал своим наследником и преемником, – молвила королева с короной на челе.

– Вас, ваша милость, – ответил Орвиль.

Рейнира кивнула и изрекла:

– Своим собственным языком вы подтверждаете, что я ваша законная королева. Почему же тогда вы служите моему единокровному брату-самозванцу? Передайте ему – либо я получу свой престол, либо его голову.

С такими словами принцесса отправила посланников восвояси.

Эйгон II в свои двадцать два года был скор на гнев и медлен на прощение. Отказ Рейниры признать его власть взбесил короля.

– Я предложил ей почетный мир, но шлюха плюнула мне в лицо, – заявил он. – И все, что ныне случится, – на ее совести.

И Танец начался как раз, когда звучали его слова. На Дрифтмарке корабли Морского Змея подняли паруса в Халле и Спайстоне, дабы перекрыть Глотку и перерезать все торговые пути Королевской Гавани. Вскоре после того Джекейрис Веларион на своем драконе Вермаксе вылетел на север, его брат Люцерис на Арраксе – на юг, тогда как принц Деймон направил Караксеса к Трезубцу.

Однажды Харренхолл уже показал, как он уязвим с неба, – когда Эйгон Дракон сокрушил замок. И едва Караксес поджег верхушку башни Королевский Костер, сир Саймон Стронг, пожилой кастелян замка, поспешил спустить знамена. Вместе с замком принц Деймон разом захватил и немалые богатства дома Стронгов, и дюжину ценных заложников, среди которых были сам сир Саймон и его внуки.

Тем временем принц Джекейрис облетал на своем драконе север, побывав в Долине у леди Аррен, в Белой Гавани у лорда Мандерли, в Систертоне у лордов Боррелла и Сандерленда и в Винтерфелле у Кригана Старка. Принц был столь обаятельным, а дракон его – столь устрашающим, что каждый лорд, которого посетил Джекейрис, обещал оказать поддержку его матери.

Если бы полет его брата, «более краткий и безопасный», завершился таким же образом, удалось бы избежать многого множества бедствий и кровопролитий.

Все наши источники сходятся на том, что трагедия, постигшая Люцериса Велариона в Штормовом Пределе, не была плодом чьего-либо умысла. Первые битвы Танца Драконов велись перьями и воронами, угрозами и обещаниями, указами и уговорами. Убийство лорда Бисбери на Зеленом совете пока не получило широкой огласки; большинство полагало, что его светлость томится в каком-то подземелье. Хотя некоторых знакомых лиц не стало видно при дворе, ничьи головы над воротами замка не появились. И многие еще сохраняли надежду, что вопрос о престолонаследии может разрешиться мирным путем.

Но иными были замыслы Неведомого. Ибо нет сомнений – та гибельная случайность, что свела вместе двух принцев в Штормовом Пределе, подстроена именно его зловещей рукой. Дракон Арракс несся стремглав, опережая надвигавшийся штурм, и доставил-таки Люцериса Велариона в безопасный двор замка... лишь дабы тот обнаружил там перед собой Эймонда Таргариена.

Вхагар, могучая драконица принца Эймонда, первой почуяла их приближение. Стражники, обходившие мощные зубчатые стены замка, вцепились в свои копья от внезапного ужаса, ибо рев пробудившейся Вхагар потряс Твердыню Дюррана до самого основания. Говорят, даже Арракс дрогнул от сего звука, и Люку пришлось хорошо поработать кнутом, дабы заставить дракона приземлиться.

На востоке сверкали молнии, и шел проливной дождь, когда Люцерис спрыгнул со спины своего Арракса, сжимая в руке послание матери. Конечно же, он понимал, что означает присутствие Вхагар, посему не удивился, встретившись лицом к лицу с Эймондом Таргариеном в Круглом чертоге, на глазах у лорда Борроса, четырех его дочерей, септона, мейстера, четырех десятков рыцарей, стражников и слуг.

– Гляньте на сие унылое создание, милорд! – выкрикнул принц Эймонд. – Малыш бастард Люк Стронг!

Самому Люку принц бросил:

– Ты промок насеквоздь, бастард. Из-за дождя, или же ты обмочился от страха?

Люцерис Веларион обратился только к лорду Баратеону:

– Лорд Боррос, я доставил вам послание от моей матери, королевы.

– От потаскухи Драконьего Камня, он хочет сказать! – принц Эймонд рванулся вперед и попытался выхватить письмо из руки Люцериса. Но лорд Боррос прорычал приказ, и вмешались его рыцари, разведя принцев. Один отнес письмо Рейниры на помост, где его светлость восседал на троне Штормовых королей древности.

Никому доподлинно не ведомо, что же чувствовал в тот миг Боррос Баратеон. Слова тех, кто был тогда в Штормовом Пределе, весьма различают. Одни говорят, что его светлость покраснел и смущился, ровно муж, застигнутый законной супругой в постели с другой женщиной. Другие же утверждают, что Боррос, казалось, наслаждался мгновением, ибо его тщеславию льстило, что и король, и королева одновременно ищут его поддержки.

Но по поводу того, что было сказано и сделано лордом Борросом, все свидетельствующие сходятся. Не ведавший грамоты, он дал послание королевы своему майстеру, а тот взломал печать и прошептал послание в ухо его светлости.

Лицо лорда Борроса омрачилось. Огладив бороду, он бросил хмурый взгляд на Люцериса Велариона и сказал:

– И если я исполню, что велит твоя мать, на которой из моих дочерей ты женишься, мальчик? – и лорд указал рукой на четырех девушек:

– Выбирай.

Принц Люцерис только и мог, что залиться румянцем:

– Милорд, я не свободен, и не могу вступить в брак, – отвечал он.
– Я помолвлен со своей кузиной Рейной.

– Я так и думал, – бросил лорд Боррос. – Ступай же домой, щенок, и вот что скажи своей суке-мамаше: лорд Штормового Предела не пес, которому можно свистнуть всякий раз, как придет нужда натравить его на своих врагов.

И принц Люцерис развернулся, дабы покинуть Круглый чертог.

Но принц Эймонд обнажил свой меч и сказал:

– Постой-ка, Стронг!

Принц Люцерис помнил данное матери обещание:

– Я не буду сражаться с тобой. Я прибыл сюда как посланник, а не воин.

– Ты прибыл сюда как трус и изменник, – отвечал принц Эймонд. – И я заберу твою жизнь, Стронг.

После такого лорду Борросу стало весьма не по себе.

– Не здесь, – проворчал он. – Он пришел как посланник. Я не желаю кровопролития под моей крышей.

И его стражники встали между молодыми принцами и сопроводили Люцериса Велариона из Круглого чертога обратно во внутренний двор замка, где его дракон Арракс, пригнувшись к земле под дождем, ожидал возвращения всадника.

Рот Эймонда Таргариена перекосился от ярости, и он вновь обратился к лорду Борросу, испрашивая дозволения удалиться. Лорд Штормового Предела пожал плечами, и ответил:

– Не мне указывать вам, что делать, когда вы не под моим кровом.

И рыцари его расступились, а принц Эймонд ринулся к дверям.

Снаружи бушевал штурм. Сплошной пеленой лил дождь, по замку перекатывался гром, то и дело от исполинских бело-голубых молний вокруг становилось светло, ровно днем. Такая погода плоха для полета, даже драконьего, и Арракс изо всех сил старался удержаться в воздухе, когда принц Эймонд оседлал Вхагар и отправился в погоню. Будь небо спокойным, принц Люцерис мог бы оторваться от преследователя, поскольку Арракс был моложе и быстрее... но день был ненастным, и случилось так, что драконы сошлись в небе над заливом Разбитых Кораблей. Люди на стенах замка видели в отдалении вспышки огня и слышали крик, что прорезался сквозь гром. Затем два зверя сцепились, а вокруг них трещали молнии. Вхагар была в пять раз крупнее своего противника и закалена в сотне пережитых ею битв. Начавшись, такая схватка долго продолжаться не могла.

Изломанное тело Арракса рухнуло вниз, и штормовые воды залива поглотили его. Тремя днями позже к подножию скал под стенами Штормового Предела выбросило голову и шею дракона – на радость крабам и чайкам. Туда же вынесло и тело принца Люцериса.

И с его гибелью война воронов, послов и брачных договоров подошла к концу. Пришло время настоящей войны, войны огня и крови.

На Драконьем Камне королева Рейнира слегла, когда ей сообщили о смерти Люка. Младший брат Люка Джоффри (Джейс все еще отсутствовал, занятый своей миссией на Севере) дал страшную клятву мести принцу Эймонду и лорду Борросу. Только вмешательство Морского Змея и принцессы Рейнис не позволило мальчику немедленно оседлать своего дракона. Когда Черный совет собрался, дабы обсудить ответный удар, прибыл ворон из Харренхолла. «Око за око, сын за сына, – писал принц Деймон. – Люциерис будет отомщен».

В молодости лицо и смех Деймона Таргариена были знакомы каждому шулеру, вору и шлюхе Блошиного Конца. У принца все еще оставались друзья в злачных местах города и сторонники среди золотых плащев. Неведомо для короля Эйгона, десница и вдовствующей королевы у него имелись союзники и при дворе, даже в Зеленом совете... И был еще один посредник, особый друг, которому Таргариен полностью доверял. Тот знал кабаки и крысиные ямы, гнившие в тени Красного замка, так же хорошо, как некогда и сам Деймон, и с легкостью передвигался по темным уголкам города. Вот к сему бледному незнакомцу принц и обратился по тайным путям, дабы дать ход ужасному отмщению.

В непотребных домах Блошиного Конца посредник принца Деймона нашел подходящие орудия. Одним из них стал бывший сержант городской стражи, здоровенный и жестокий – он лишился золотого плаща, в пьяном гневе забив до смерти шлюху. Другим был крысолов Красного замка. История не сохранила их истинных имен. Они остались в памяти как Кровь и Сыр.

Потайные двери и скрытые ходы, устроенные Мейгором Жестоким, крысолов знал не хуже, нежели крысы, на которых он охотился. Незримо для стражи Сыр провел Кровь по забытому проходу в самое сердце замка. Кое-кто утверждает, что целью злодеев являлся сам король, но Эйгона повсюду сопровождали его гвардейцы. И даже Сыр не знал прохода в крепость Мейгора помимо

подъемного моста, перекинутого через сухой ров с устрашающими железными пиками.

Башня десницы оказалась не столь защищенной. Двое прокрались сквозь стены, обойдя копьеносцев, выставленных у ее дверей. Их не интересовали комнаты сира Отто. Вместо того они проскользнули в покой дочери десницы, что находились этажом ниже. Королева Алисента заняла их после кончины супруга, когда ее сын Эйгон перебрался в крепость Мейгора со своей собственной королевой. Оказавшись внутри, Сыр связал вдовствующую королеву и закрыл ей рот кляпом, а Кровь задушил горничную. После чего они принялись ожидать вечера, ибо знали, что королева Хелейна каждый раз перед сном приводила своих детей повидаться с бабушкой.

Не ведая об опасности, королева появилась в сгустившихся сумерках вместе с тремя своими детьми. Джейхейрису и Джейхейре было по шесть лет, а Мейлору – два годика. Когда все вошли в покой, Хелейна держала малыша за ручку. Она окликнула свою матушку... Кровь закрыл дверь и прикончил стража королевы, а Сыр схватил Мейлора.

– Закричишь – и вы все умрете, – сказал Кровь ее милости.

Как говорят, королева Хелейна сохранила спокойствие.

– Кто вы такие? – потребовала она ответа у обоих.

– Сборщики долгов, – ответил Сыр. – Око за око, сын за сына.

Нам только один надобен – счетец уравнять. И более никому из вашей чудной семейки не навредим, даже волоска не тронем. Которого не жалко, ваша милость?

Когда Хелейна поняла, что он хочет сказать, то стала умолять убить ее вместо ребенка.

– Жена – не сын, – ответил Кровь. – Нам нужен мальчик.

Сыр предупредил королеву, что выбирать надо быстро, а не то Кровь заскучает и надругается над ее маленькой дочерью.

– Выбирай, – сказал он. – Или мы убьем всех.

Стоя на коленях и рыдая, Хелейна назвала имя Мейлора, самого младшего. Возможно, она сочла, что мальчик еще мал, дабы понять

происходящее, а может, причиной стало то, что старший, Джейхейрис, был первенцем короля Эйгона и наследником Железного трона.

– Слыхал, малыш? – прошептал Сыр Мейлору. – Твоя мамка хочет, чтоб ты помер.

Потом он с ухмылкой глянул на Кровь, и огромный мечник убил принца Джейхейриса, единственным ударом отрубив мальчику голову. Королева зашлась в крике.

Как ни странно, крысолов и мясник сдержали слово. Они более не учинили зла ни королеве Хелейне, ни ее оставшимся детям, а просто скрылись с головой принца.

Нельзя сказать, что Хелейна пережила тот роковой вечер, хотя Кровь и Сыр пощадили ее. После случившегося она не желала ни есть, ни мыться, ни покидать свои покои; и не могла более видеть своего сына Мейлора, зная, что обрекла его на смерть. Королю ничего иного не оставалось, кроме как забрать мальчика у супруги и отдать его своей матери, вдовствующей королеве Алисенте, дабы она воспитывала ребенка как своего собственного. С той поры Эйгон и его супруга спали раздельно. Королеву Хелейну все глубже и глубже затягивало в трясину безумия, а король ярился, пил и ярился вновь.

И с того дня потекли реки крови.

Взятие Харренхолла принцем Деймоном стало для его милости тяжким потрясением. До того дня Эйгон II считал дело единокровной сестры безнадежным. Харренхолл в первый раз заставил короля почувствовать себя уязвимым. Очередными ударами стали последующие быстрые поражения у Горящей Мельницы и Каменной Ограды, заставившие Эйгona осознать, что положение гораздо опаснее, нежели виделось. Страхи сии усугубились, когда вернулись вороны из Простора, где зеленые считали себя наисильнейшими. Дом Хайтауэров и Старомест твердо поддерживали Эйгona, и Арбор также был на стороне его милости... Но повсюду на юге прочие лорды присягали Рейнире, включая лорда Костейна из Трех Башен, лорда Маллендора из Нагорья, лорда

Тарли из Рогова Холма, лорда Рована из Золотой Роши и лорда Гrimma с Серого Щита.

Последовали и другие удары: Долина, Белая Гавань, Винтерфелл. Блэквуды и прочие речные лорды стекались к Харренхоллу под знамена принца Деймона. Корабли Морского Змея перекрыли Черноводный залив, и каждое утро королю Эйгону о том плакались купцы. Его милость мог ответить на их жалобы разве что очередной чашей крепкого вина. «Соверши хоть что-то» – требовал король от сира Отто. Десница уверял его милость, что кое-что делается: он уже выносил замысел по разрушению блокады Велариона. Одной из главных опор Рейниры в ее притязаниях на престол был супруг королевы, принц Деймон, но он же являлся и одной из величайших ее слабостей. Во время своих странствий принц нажил более врагов, нежели друзей. Сир Отто Хайтауэр, что находился в первом ряду тех врагов, обратился через Узкое море к другим неприятелям принца – Королевству Трех Дочерей, надеясь убедить их выступить против Морского Змея.

Молодому королю медлительность была не по нраву. Отговорки деда вывели Эйгона II из терпения.

Его милость остался глух к мольбам своей матушки, вдовствующей королевы Алисенты, что выступила в защиту сира Отто. Призвав лорда Хайтауэра в Тронный зал, Эйгон сорвал с его шеи цепь десницы и швырнул ее сиру Кристону Колю.

– Мой новый десница – стальной кулак, – хвастался король. – С писанием бумаг покончено.

Сир Кристон не замедлил показать свою ретивость:

– Вам не пристало просить ваших лордов о поддержке подобно нищему, что клянчит милостыню, – сказал он Эйгону. – Вы законный король Вестероса, и те, кто отрицают сие, – изменники. Им давно пора узнать цену вероломства.

Ларис Стронг Косолапый, мастер над шептунами короля Эйгона, составил перечень всех тех лордов, что собирались на Драконьем Камне, дабы присутствовать на коронации Рейниры и заседать в ее

Черном совете. Владения лордов Селтигара и Велариона располагались на островах, а посему пребывали вне досягаемости гнева его милости – ибо Эйгон II не имел силы на море. Но те черные лорды, чьи земли лежали на материке, не обладали подобной защитой.

Войска короля легко взяли Сумеречный Дол, захватив его врасплох. Город разграбили, корабли в гавани предали огню, лорда Дарклина обезглавили. Следующей целью десницы стал Грачиний Приют. Заблаговременно упрежденный о приближении сира Кристона, лорд Стонтон закрыл ворота и оказал сопротивление нападавшим. Находясь за стенами, его светлость мог только взирать, как сжигают его поля, леса и деревни, а скот и крестьян предают мечу. Когда запасы съестного в замке приблизились к истощению, лорд Стонтон отправил на Драконий Камень ворона, прося подмоги.

Через девять дней после того, как лорд отоспал свою мольбу о помощи, со стороны моря донесся шум кожистых крыльев. Над Грачным Приютом возникла Мелеис, за покрывавшую ее алую чешую прозванная Красной Королевой. Перепонки крыльев ее розовели, а гребень, рога и когти сверкали подобно меди. На спине Мелеис, блестая на солнце сталью и медью брони, восседала Почти Королева Рейнис Таргариен.

Сир Кристон Коль не устрашился – десница Эйгона того и ждал, на то и рассчитывал. Барабаны отбили сигнал, и вперед выступили лучники и арбалетчики, наполнившие воздух стрелами. Взведенныескорпионы выпустили железные болты – такие же, как те, что некогда сразили Мераксес в Дорне. В драконицу угодило десятка два стрел, но сие лишь разъярило Мелеис. Она устремилась вниз, направо и налево извергая огонь. Пламя охватывало гривы, шкуры и сбрую коней, следом загорались и рыцари в седлах. Латники роняли копья и обращались в бегство. Кое-кто пытался укрыться за щитом, но ни дуб, ни железо не могли сдержать дыхание дракона. Сир Кристон, верхом на своем белом коне, кричал сквозь дым и огонь:

– Цельтесь во всадника!

А Мелеис ревела, истогая из ноздрей клубы дыма, и в пасти ее бился охваченный языками пламени жеребец.

Но вот раздался ответный рев. Показались еще две крылатые фигуры: король верхом на Солнечном Огне, Золотом Драконе, и его брат Эймонд на Вхагар. Кристон Коль поставил капкан, и, заглотив наживку, в него попалась Рейнис. И ныне челюсти капкана захлопнулись.

Принцесса Рейнис и не пыталась спастись бегством. С криком, полным радости, она щелчком кнута развернула Мелеис к супротивникам. В поединке с одной Вхагар принцесса еще могла надеяться на победу, ибо Красная Королева была стара, коварна и опытна в битвах. Против двоих же, Вхагар и Солнечного Огня, ее судьба была предрешена. Драконы яростно сшиблись в тысяче футов над полем боя. В воздухе взрывались и распускались столь яркие сгустки пламени, что позже люди клялись, будто небеса усыпало множество солнц. Багровые челюсти Мелеис сжались на золотой шее Солнечного Огня, но лишь на миг – ибо с высоты в драконов врезалась Вхагар. Всех трех зверей кубарем понесло вниз. Они ударились оземь с такой силой, что с зубчатых стен Грачиного Приюта в полулиге от места падения посыпались камни.

Те, кто оказался излишне близко к драконам, не выжили, дабы поведать хоть что-то. А те, что стояли дальше, ничего не могли узреть из-за дыма и огня. Прошли часы, прежде чем пожар угас. Но из оставшегося пепла невредимой поднялась только Вхагар. Мелеис испустила дух, ибо разбилась при падении, и на земле ее изорвали в куски. А Солнечный Огонь, сей великолепный золотой зверь, остался с полуоторванным от туловища крылом. Его царственный всадник изломал ребра и бедро; половину тела Эйгона покрыли ожоги, а более всего пострадала левая рука: драконий огонь жег столь горячо, что металл королевской брони вплавился в плоть.

Тело, которое сочли принадлежавшим Рейнис Таргариен, отыскали позже рядом с останками ее дракона, однако оно настолько почернело, что с уверенностью опознать в нем принцессу

не возмог бы никто. Любимая дочь леди Джослин Баратеон и принца Эймона Таргариена, верная жена лорда Корлиса Велариона, мать и бабушка, Почти Королева без страха жила и умерла средь огня и крови, будучи пятидесяти пяти лет от роду.

Восемь сотен рыцарей, оруженосцев и простых ратников также расстались с жизнью в тот день. Еще сотня погибла спустя малое время, когда принц Эймонд и сир Кристон Коль взяли Грачиний Приют и предали смерти его гарнизон. Голову лорда Стонтонса доставили в Королевскую Гавань и водрузили над Старыми воротами... но именно голова драконицы Мелеис, провезенная по городу в телеге, заставила толпы простого люда смолкнуть в благоговейном ужасе. Тысячи людей позже бежали из Королевской Гавани, пока вдовствующая королева Алисента не повелела наглухо запереть городские ворота.

Король Эйгон II не погиб, хотя ожоги причиняли ему столь сильную боль, что поговаривают, будто он молился о смерти. Его доставили в Королевскую Гавань в закрытых носилках, дабы скрыть тяжесть ранений. Его милость не поднимался с постели весь остаток года. Септоны молились о нем, мейстеры поили его снадобьями и маковым молоком, но Эйгон спал девять часов из десяти, просыпаясь лишь дабы принять скучную пищу и заснуть вновь. Никому не позволялось тревожить покой короля, за исключением его матери, вдовствующей королевы, и десницы, сира Кристона Коля. Супруга так ни разу и не попыталась навестить его – настолько поглотила Хелейну пучина собственного горя и безумия.

Дракон короля, Солнечный Огонь, был излишне велик и тяжел для перевозки, а сам не мог взлететь из-за поврежденного крыла. Он оставался в полях за Грачиным Приютом и ползал по пепелищу подобно огромному золотому змею. Первое время он кормился обгоревшими телами погибших. Когда с ними было покончено, люди, оставленные сиром Кристоном для охраны, стали приносить дракону овец и телят.

– Теперь вам должно править королевством, пока ваш брат не окрепнет достаточно, дабы принять корону вновь, – сказал десница принцу Эймонду. И сиру Кристону не понадобилось повторять дважды. Так одноглазый Эймонд Убийца Родичей завладел железной с рубинами короной Эйгона Завоевателя.

– На мне она смотрится лучше, нежели когда-либо на нем, – объявил принц. Впрочем, Эймонд не стал присваивать титул короля, он лишь нарек себя Защитником Державы и принцем-регентом. Сир Кристон Коль остался королевским десницей.

Между тем семена, посаженные Джекейрисом Веларионом во время его полета на север, начали приносить плоды: в Барроутон, Белую Гавань, Винтерфелл, Систертон, Чаячий Город и Лунные Врата стекались воины. Стоило им соединиться с силами речных лордов, что собрал у Харренхолла принц Деймон – и даже мощные стены Королевской Гавани могли бы и не сдержать их, как предостерегал сир Кристон нового принца-регента.

Бесконечно уверенный в своей воинской доблести и в моци драконицы Вхагар, Эймонд жаждал дать неприятелю бой.

– Потаскуха на Драконьем Камне не угроза, – говорил он. – Не более, нежели Рован и те изменники в Просторе. Мой дядя – вот опасность. Стоит Деймону сгинуть, все глупцы, выступившие под знаменами нашей сестры, разбегутся по своим замкам и более нас не потревожат.

Восточнее Черноводного залива, у королевы Рейниры, дела также обстояли неважно. Смерть сына Люцериса стала сокрушительным ударом для женщины, и без того надломленной вынашиванием, схватками и рождением мертвой дочери. Когда весть о том, что принцесса Рейнис пала, достигла Драконьего Камня, королева рассорилась с лордом Веларионом – тот винил Рейниру в гибели супруги.

– На ее месте надлежало быть вам! – кричал Морской Змей на ее милость. – Стонтон посыпал к вам! Вы же предоставили отвечать моей жене и запретили своим сыновьям присоединиться к ней!

Ибо все в замке знали, как рвались принцы Джейс и Джофф лететь на своих драконах в Грачиний Приют с принцессой Рейнис.

И тогда, в конце 129 года после 3.Э., с лучшей стороны показал себя Джейс. Сначала принц вернулся в их ряды Лорда Приливов через назначение его десницей королевы. Вместе с лордом Корлисом Джейс принял обдумывать захват Королевской Гавани.

Памятуя об обещании, что он дал Деве Долины, Джейс повелел принцу Джоффри вылететь на Тираксесе в Чаячий Город. Манкан предполагает, что в основе такого решения лежало желание Джейса держать брата подальше от сражений. Сие не пришлось по душе Джоффри, ибо он был полон решимости показать себя в битве – и неохотно согласился лишь после разъяснений, что его посылают защищать Долину от драконов короля Эйгона. В сопровождающие ему определили Рейну, тринадцатилетнюю дочь принца Деймона от Лейны Веларион. Известная по городу своего рождения как Рейна из Пентоса, девочка не являлась драконьей всадницей, поскольку ее дракончик умер при рождении несколько лет назад. Однако Рейна привезла с собой в Долину три яйца и еженощно молилась, дабы они проклонулись. Принц Драконьего Камня также позаботился о безопасности своих единоутробных братьев Эйгона Младшего и Визериса, девяти и семи лет.

Принц Деймон, отец мальчиков, во времена своего пребывания в Вольном городе Пентосе обзавелся там множеством друзей. Посему Джекейрис обратился через Узкое море к правителью сего города, который согласился взять обоих мальчиков на воспитание, пока Рейнира не завладеет Железным троном. На исходе 129 года после 3.Э. юные принцы взошли на борт когга «Веселая беспечность» – Эйгон с Грозовым Облаком, Визерис с яйцом в руках – дабы отплыть в Эссос. Желая увериться в том, что мальчики благополучно достигли Пентоса, Морской Змей отправил для сопровождения когга семь своих боевых кораблей. Поскольку раненый и неспособный летать Солнечный Огонь находился близ Грачиного Приюта, а Тессарион – с принцем Дейроном в Староместе, на защите Королевской Гавани

остались лишь два взрослых дракона... а всадница Пламенной Мечты королева Хелейна проводила свои дни во тьме и рыданиях, и, конечно, не могла считаться угрозой. Оставалась только Вхагар. Ни один из ныне живущих драконов не мог сравниться с ней величиной и свирепостью, но Джейс рассудил, что если бы Вермакс, Сиракс и Караксес напали на Королевскую Гавань одновременно, даже «тa древняя сука» была бы не в силах устоять перед ними. Однако слава Вхагар была столь велика, что принц колебался и обдумывал, как бы ему приумножить число драконов для своего наступления.

Дом Таргариенов правил Драконым Камнем более двух сотен лет, с тех самых пор, как из Валирии впервые прибыл лорд Эйнар Таргариен со своими драконами. По своему обычаю Таргариены заключали браки между братьями и сестрами, а также между другими родичами. Однако молодая кровь горяча, и мужчинам сего дома свойственно было искать наслаждений среди дочерей (и даже жен) своих подданных, людей из простонародья, живших в деревнях у подножия Драконьей горы, возделывавших землю или ловивших в море рыбу. Кроме того, древнее право первой ночи господствовало на Драконыем Камне, как и во всем Вестеросе, вплоть до самого правления Старого короля Джейхейриса и Доброй королевы Алисанны – лорд в своих владениях имел право уложить в постель любую девицу в ее брачную ночь.

Повсюду в Семи Королевствах сей обычай вызывал сильнейшее возмущение у ревнивых мужчин, не понимавших оказанной им чести. Однако на Драконыем Камне, где Таргариенов воистину почитали стоявшими ближе к богам, нежели к обычным людям, подобные чувства сдерживались. Здесь завидовали невестам, чья брачная ночь была отмечена подобным благословением, а дети, рожденные от подобных связей, почитались выше других, ибо лорды Драконьего Камня по их рождении частенько щедро одаривали матерей золотом, шелками и землей. Таких счастливыхbastardов называли «отпрысками дракона», а со временем они стали известны просто как «отпрыски». Даже после отмены права первой ночи кое-

кто из Таргариенов продолжал развлекаться с дочками содержателей постоянных дворов и женами рыбаков, так что отпрыски и дети отпрысков встречались на Драконьем Камне во множестве.

Джекейрису требовалось больше драконов и наездников для них, и он обратился именно к отпрыскам. Принц торжественно обещал, что любого, кто возможет подчинить себе дракона, посвятят в рыцари и одарят землями и богатствами. Его сыновей возведут в благородное сословие, а дочери станут женами лордов. Самому же драконьему всаднику предоставят честь сражаться плечом к плечу с принцем Драконьего Камня против самозванца Эйгона II Таргариена и его приспешников-изменников.

Не все из откликнувшихся на призыв принца были отпрысками дракона; иные не являлись даже сыновьями или внуками таковых. Стать драконьими всадниками вызвались десятка два придворных рыцарей Рейниры, и среди них – лорд-командующий ее Королевской гвардии, сир Стеффон Дарклин, а также оруженосцы, кухонная челядь, моряки, латники, шуты и две девицы.

Драконы – не лошади. Так просто они не допуснят человека к себе на спину, а когда разозлены или чуют угрозу – нападают. Пытаясь стать драконьими всадниками, расстались с жизнью шестнадцать человек, а втрое более обгорело или покалечилось. Стеффон Дарклин сгорел заживо, попробовав оседлать Морского Тумана. Лорда Гормона Масси постигла та же участь, когда он приблизился к Вермитору. Овцекрад оторвал руку человеку по имени Серебряный Денис, чьи волосы и глаза давали повод верить его утверждению, что он бастард короля Мейгора Жестокого. Когда сыновья Дениса попытались унять кровь из раны, на них обрушился Каннибал – отогнав Овцекрада, он пожрал и отца, и сыновей.

Все же Морской Туман, Вермитор и Среброкрылая, привычные к людям, терпимо относились к их присутствию. Когда-то они уже летали под седлом, и теперь легче признавали новых всадников. Вермитор, дракон самого Старого короля, склонил свою голову

перед бастардом кузнеца, человеком огромного роста, что звался Хью Молотом, или Крепким Хью. Светловолосый латник, которого именовали Ульфом Белым (за цвет волос), или Ульфом Пропойцей (за пьянство), покорил Среброкрылую, любимицу Доброй королевы Алисанны.

И, наконец, Морской Туман, некогда носивший на себе Лейнора Велариона, позволил оседлать себя мальчишке пятнадцати лет, известному как Аддам из Халла, чье происхождение и по сей день остается предметом споров среди историков. Вскоре после того, как Аддам из Халла, взлетев на Морском Тумане, доказал, чего он стоит, лорд Корлис зашел столь далеко, что подал королеве Рейнире прошение о снятии с Аддама и его брата клейма бастардов. Когда и принц Джекейрис присоединил свой голос к сей просьбе, королева уступила. Аддам из Халла, бастард и отпрыск дракона, стал Аддамом Веларионом, наследником Дрифтмарка.

Попытаться приручить трех диких драконов острова было куда сложнее, нежели тех, кто ранее знал всадников, но некоторые все равно пытались совершить сие. Овцекрад, крайне безобразный «грязно-бурый» дракон, родившийся в те годы, когда Старый король был еще молод, был охоч до баранины и нападал на пастушки отары от Дрифтмарка до Путеводной. Он редко чинил зло пастухам, если те не пытались ему помешать, но мог при случае пожрать пастушью собаку. Серый Призрак обитал в дымящемся кратере высоко на восточном склоне Драконьей горы. Он предпочитал рыбу и часто скользил над поверхностью Узкого моря, выхватывая из воды добычу. Сей бледный, серо-белый дракон цвета утреннего тумана был необычайно осторожным зверем, и порой годами избегал и людей, и творений рук человеческих.

Наистарейшим и наивеличайшим из диких драконов являлся Каннибал, известный тем, что питался телами погибших сородичей, а при налетах на выводные садки Драконьего Камня с жадностью поглощал яйца и новорожденных детенышей, за что и получил свое

прозвание. Незадачливые укротители драконов пытались оседлать его с дюжину раз; и логовище Каннибала устлали их кости.

Никто из отпрысков дракона не был настолько глуп, дабы тревожить Каннибала (а те, кто был – не вернулись поведать о своей истории). Кое-кто искал Серого Призрака, но не мог найти, поскольку тот был воистину неуловимым созданием. Выманить Овцекрада оказалось проще, но сей дракон оставался злобным зверем со скверными повадками, и убил отпрысков более, нежели три «дракона из замка» вместе взятые. Алин из Халла стал одним из тех, кто надеялся укротить Овцекрада (после того, как поиски Серого Призрака не увенчались успехом). Дракон не пожелал иметь с ним дела. Когда Алин, спотыкаясь, покинул драконье логовище в охваченном огнем плаще, только стремительные действия брата спасли ему жизнь. Пока Аддам сбивал пламя собственным плащом, Морской Туман отогнал дикого дракона прочь. До конца долгой жизни спину и ноги Алина Велариона покрывали шрамы, однако же он почитал себя счастливчиком, ибо остался в живых. Многое множество иных отпрысков и прочих охотников, стремившихся взобраться на спину Овцекрада, взамен того упокоились в его брюхе.

Наконец бурого дракона покорили хитрость и настойчивость «маленькой смуглой девицы» шестнадцати лет от роду, прозвавшейся Крапивой. Та каждое утро приносила ему свежезарезанную овцу, пока Овцекрад не научился признавать и ждать ее. Черноволосая, кареглазая, смуглая, стройная, сквернословящая, чумазая и бесстрашная, Крапива стала первым и последним всадником Овцекрада.

Так принц Джекейрис достиг своей цели. Ценой смертей и боли, женщин, ставших вдовами, и мужчин, носивших шрамы от ожогов вплоть до конца своих дней, были найдены четыре новых драконьих всадника. Когда 129 год после 3.Э. близился к завершению, принц приготовился выступить против Королевской Гавани. Днем нанесения удара он избрал первое полнолуние нового года.

Однако людские замыслы – богам лишь забава. И пока Джейс вынашивал свои замыслы, с востока приближалась новая угроза. Интриги Отто Хайтауэра принесли плоды: на встрече в Тироше Высший совет Триархии одобрил предложенный им союз. Девяносто боевых кораблей двинулись от Ступеней под знаменами Трех Дочерей, держа курс на Глотку... и так уж распорядились случай и боги, что пентошийский когг «Веселая беспечность» с двумя принцами-Таргариенами на борту заплыл прямо к ним в зубы. Корабли сопровождения затопили либо взяли на абордаж, саму «Веселую беспечность» – захватили.

Весть о случившемся достигла Драконьего Камня лишь когда туда прибыл принц Эйгон, отчаянно цеплявшийся за шею своего дракона, Грозового Облака. Побелевший от ужаса мальчик трялся как листок и пропах мочой – всего лишь девяти лет от роду, он никогда не летал прежде... и ему никогда более не суждено было взлететь, ибо Грозовое Облако при бегстве был тяжко изранен. В брюхе дракона застряли обломки бесчисленных стрел, а шею пронзил болт скорпиона. Грозовое Облако шипел, а из ран его, чернея и дымясь, истекала горячая кровь; не прошло и часа, как дракон испустил дух. У младшего брата Эйгона, принца Визериса, возможности спастись с когга не было. Смышленый малыш спрятал свое драконье яйцо и переоделся в просоленные лохмотья, попытавшись сойти за корабельного мальчишку, но один из подлинных мальчишек с когга его выдал, и принц оказался в плену.

Тирошийский капитан первым понял, кого заполучил, но адмирал флотилии, Шарако Лохар из Лиса, вскоре лишил подчиненного его добычи.

Когда принц Джекейрис на Вермаксе обрушился на строй лисских галер, его встретил ливень копий и стрел. Моряки Триархии уже сталкивались с драконами ранее, во время войны с принцем Деймоном на Ступенях. Их нельзя упрекнуть в нехватке храбрости: воины были готовы противиться драконьему пламени с тем оружием, что было под рукой.

– Убейте всадника, и дракон улетит, – говорили морякам их капитаны и начальники.

Загорелся один корабль, следом – второй. Но воины Вольных городов продолжали вести бой... пока не раздался вопль и люди, подняв головы, не узрели новые крылатые фигуры, что появились из-за Драконьей горы и повернули в их сторону.

Одно дело – встретиться лицом к лицу с единственным драконом, совсем иное – с пятью. Когда нагрянули Среброкрылая, Овцекрад, Морской Туман и Вермитор, отвага покинула воинов Триархии. Стой боевых кораблей распался, галеры вереницей устремились прочь. Драконы низверглись, как молнии с небес, изрыгая сгустки огня один ярче другого: голубой и оранжевый, красный и золотой. Корабль за кораблем разламывались на части или поглощались пламенем. Люди, окутанные огнем, с криками кидались в море. Над водой поднимались высокие столбы черного дыма. Казалось, все потеряно... и все действительно было потеряно...

...пока Вермакс не опустился излишне низко и не рухнул в море.

Позже о том, как и почему пал дракон, рассказывали по-разному. Одни утверждали, что арбалетчик загнал ему железный болт прямо в глаз, но сие выглядит подозрительно похожим на описание того, как давным-давно в Дорне встретила свою кончину Мираксес. Другой источник повествует, что моряк с мирийской галеры забросил из «вороньего гнезда» якорь-кошку на Вермакса, когда тот пролетал мимо кораблей. Один из крючьев якоря застрял меж двух чешуек и вонзился еще глубже благодаря немалой скорости летящего дракона: матрос прикрутил якорную цепь к мачте, и вес корабля вместе с мощью крыльев Вермакса пропороли в брюхе зверя глубокую рану. Яростный, пронзительный рев дракона услышали даже сквозь грохот битвы в самом Спайстауне. От рывка полет его резко оборвался. Вермакс упал, рыча, пуская дым и колотя когтями по воде. Выжившие рассказывали, что он попробовал подняться, но лишь дабы рухнуть головой вперед на горящую галеру. Дерево раскололось, мачта обрушилась, и бьющий крылами

дракон запутался в оснастке. Когда корабль перевернулся и затонул, Вермакс пошел на дно вместе с ним.

Поговаривали, что Джекейрис Веларион сумел выбраться и несколько мгновений цеплялся за один из дымящихся обломков, пока несколько арбалетчиков с ближайшего мирийского судна не начали его обстреливать. В принца попали раз, другой... Все больше и больше мирийцев брались за арбалеты. Наконец один из болтов угодил в шею, и Джейса поглотило море.

Битва в Глотке бушевала целую ночь и к северу, и к югу от Драконьего Камня и стала одним из наикровопролитнейших морских сражений в истории. Адмирал Триархии Шарако Лохар привел с собой от Ступеней соединенный флот из девяноста мирийских, лисских и тирошийских боевых кораблей, но лишь двадцать восемь уцелели и кое-как доплелись до дома.

Нападавшие обошли Драконий Камень стороной: без сомнения, они сочли древний оплот Таргариенов чересчур мощным для штурма. Однако с Дрифтмарка неприятель собрал страшную дань. Спайстаун разграбили прежестоко, мужчин, женщин и детей перебили на улицах, оставив их тела на корм чайкам, крысам и воронам. Дома предали огню, и город никогда более не отстроился вновь. Высокий Прилив также сожгли. Все сокровища, которые Морской Змей привез с Востока, поглотил огонь, а его слуг изрубили, когда те пытались скрыться от пожара. Флот Веларионов потерял почти треть своей мощи. Погибли тысячи. Но ни одна из потерь не ощущалась столь остро, как гибель Джекейриса Велариона, принца Драконьего Камня и наследника Железного трона.

Парой недель позже, в Просторе, Ормунд Хайтауэр оказался зажат между двумя ратями. Таддеус Рован, лорд Золотой Роши, и Том Флауэрс, Бастард из Горького Моста, надвигались на него с северо-востока с превеликим конным рыцарским войском. А сир Аллан Бисбери, лорд Аллан Тарли и лорд Оуэн Костейн соединили свои силы, дабы отрезать ему пути отступления к Староместу. Когда их войска, сомкнувшись вокруг лорда Ормунда на берегах реки

Медовинки, разом ударили и спереди, и сзади, боевые порядки Хайтауэра расстроились у него на глазах. Поражение казалось неизбежным... как вдруг по полю брани скользнула тень, и над головами, прорезавшись сквозь звон ударов стали о сталь, прогремел ужасающий рев. Прилетел дракон.

То была медно-кобальтовая Тессарион, Синяя Королева. На ее спине восседал самый младший из трех сыновей королевы Алисенты, Дейрон Таргариен, пятнадцати лет от роду, оруженосец лорда Ормунда.

Появление принца Дейрона и его дракона изменило ход битвы. Теперь уже бойцы лорда Ормунда нападали, выкрикивая проклятия своим врагам, а люди королевы спасались бегством. К концу дня лорд Рован с остатками своего войска отступал на север, безжизненное обгоревшее тело Тома Флауэрса лежало в камышах, двоих Аланов захватили в плен, а лорд Костейн медленно умирал от раны, нанесенной Оставляющим Сирот, черным клинком Храброго Джона Рокстона. И пока волки и вороны пожирали тела павших, лорд Хайтаэр угощал принца Дейрона мясом тура и крепким вином, а затем посвятил его в рыцари легендарным валирийским длинным мечом Бдительность и нарек «сиром Дейроном Отважным». Принц сдержанно ответил:

– Милорд, ваши слова любезны, но победа принадлежит Тессарион.

Дух уныния и поражения повис над Драконьим Камнем, когда черный двор узнал о бедствии на Медовинке. Лорд Бар-Эммон зашел столь далеко, что предположил – возможно, настало время преклонить колена перед Эйгоном II. Однако королева никогда бы на такое не пошла. Воистину, лишь богам до конца ведомы человеческие сердца, а женщины тем более полны загадок. Если кончина первого сына надломила Рейниру Таргариен, то гибель второго, казалось, придала ей сил. Смерть Джейса закалила ее, выжгла напрочь все страхи, оставив лишь гнев и ненависть. У ее милости все еще оставалось более драконов, нежели у ее

единокровного брата, и теперь она решила использовать их, не считаясь с ценой. Она сказала Черному совету, что будет насылать огонь и смерть на Эйгона и всех, кто его поддерживает, пока не сбросит брата с Железного трона или же не сгинет сама.

Подобная решимость пустила корни и в душе Эймонда Таргариена, правившего от имени своего брата, пока Эйгон был прикован к постели. Эймонд Одноглазый презрительно относился к своей сестре Рейнире, видя наивеличайшую угрозу в дяде, принце Деймоне, и в огромном войске, которое тот собрал в Харренхолле. Созвав своих знаменосцев и совет, принц объявил о намерении навязать дяде битву и покарать мятежных речных лордов.

Не все члены Зеленого совета одобрили столь смелый ход принца. Эймонда поддержали десница, сир Кристон Коль, и сир Тайленд Ланнистер. Однако великий мейстер Орвиль убеждал его послать весть в Штормовой Предел и присовокупить силы дома Баратеонов к своим, прежде чем действовать. А Железный Посох, лорд Джаспер Уайлд заявил, что надлежит призвать лорда Хайтауэра и принца Дейрона с юга, на том основании, что «два дракона лучше одного». Вдовствующая королева также взывала к осторожности, увещевая сына подождать, когда его брат-король и его Солнечный Огонь, Золотой Дракон, оправятся от ран настолько, что возмогут присоединиться к нападению.

Однако принцу Эймонду подобные отсрочки пришли не по вкусу. Он объявил, что не нуждается ни в братьях, ни в их драконах – Эйгон чересчур тяжко ранен, а Дейрон слишком юн. Да, Караксес – грозный зверь, беспощадный, изворотливый и отведавший битвы... но Вхагар старее, свирепее и вдвое крупнее. Септон Юстас сообщает, что Убийца Родичей предназначил сию победу себе; он не желал делить славу ни со своими братьями, ни с кем-либо еще.

Пока Эйгон II не был способен подняться с постели и снова взяться за меч, регентство и власть принадлежали Эймонду, и прекословить ему не могли. Верный своему решению, спустя две

недели принц выступил через Божьи ворота во главе четырехтысячного войска.

Принц Деймон был чересчур старым и закаленным бойцом, дабы сидеть сложа руки и дать запереть себя в стенах, даже столь мощных, как харренхольские. У него еще оставались друзья в Королевской Гавани, и вести о замыслах племянника достигли его даже прежде, чем Эймонд отбыл прочь. Говорят, когда принца известили, что Эймонд и сир Кристон Коль покинули Королевскую Гавань, Деймон засмеялся и промолвил:

– Давно пора, – ибо он долго ожидал сего мгновения.

И стая воронов вылетела из перекошенных башен Харренхолла.

В другой части королевства лорд Валис Мутон вел сотню рыцарей из Девичьего Пруда, дабы соединиться с полудикими Крэббами и Брюнами с Раздвоенного Когтя, а также с Селтигарами с Клешни. Пробираясь сквозь сосновые леса и окутанные туманом холмы, они спешили к Грачиному Приюту, где их нежданное появление застало гарнизон врасплох. Отбив Грачиный Приют, лорд Мутон повел храбрейших из своих людей на пепелище к западу от замка, дабы покончить с Солнечным Огнем, драконом короля Эйгона.

Невольные драконоборцы без труда разогнали оцепление из стражников, которых оставили обиживать, кормить и охранять зверя, но сам Солнечный Огонь оказался противником куда более грозным, нежели ожидалось. Драконы на земле неуклюжи, а разорванное крыло не позволяло огромному золотому созданию подняться в воздух. Нападавшие рассчитывали найти дракона при смерти. А обнаружили его спящим, но звон мечей и конский топот вскоре разбудили зверя, и первый же удар копья привел его в бешенство. Покрытый склизкой грязью, Солнечный Огонь бился и свивался змеем, крутясь среди костей бесчисленных овец, хлестал хвостом, насыпал на своих недругов струи золотого пламени и сиился взлететь. Трижды он поднимался, и трижды вновь падал на землю. Люди Мутона толпились вокруг с мечами, копьями и

топорами и нанесли дракону не одну тяжкую рану... но каждый удар, казалось, только разъярял его пуще прежнего. Погибло не менее шести десятков, прежде чем оставшиеся в живых бежали.

Среди убитых был и Валис Мутон, лорд Девичьего Пруда. Когда недели через две его брат Манфрид отыскал тело, от лорда Валиса не осталось ничего, кроме кишащего опарышами горелого мяса в расплавленных латах. Но нигде на пепелище, усеянном телами храбрецов да сотней прокоптившихся и обгоревших лошадиных туш, лорд Манфрид не нашел дракона короля Эйгона. Солнечный Огонь исчез. Не оказалось там и его следов, хотя они наверняка бы остались, если бы дракон уполз прочь. По всей видимости, Солнечный Огонь, Золотой Дракон, снова встал на крыло... но где он – никто поведать не мог.

Тем временем принц Деймон Таргариен поспешил на юг на крыльях своего дракона Караксеса. Пролетев над западным берегом Божьего Ока, подальше от пути движения сира Кристона, он избежал встречи с неприятельским войском; затем пересек Черноводную и повернул на восток, следуя вниз по течению реки к Королевской Гавани. А на Драконьем Камне Рейнира Таргариен облачилась в блестящий черный чешуйчатый доспех, оседлала Сиракс и вылетела в штормовой дождь, хлеставший по волнам Черноводного залива. Сойдясь вместе в вышине над городом, королева и ее принц-супруг закружили над Высоким холмом Эйгона.

Их вид поселял ужас на городских улицах, ибо простой люд не замедлил смекнуть, что, наконец, совершилось нападение, которого страшились уже давно. Принц Эймонд и сир Кристон, отправившись отвоевывать Харренхолл, лишили Королевскую Гавань защитников... а Убийца Родичей забрал Вхагар, сего грозного зверя, оставив противостоять драконам королевы только Пламенную Мечту и нескольких едва подросших детенышей. Юные драконы были еще не облезжеными, а всадницу Пламенной Мечты, королеву Хелейну, сломило горе, так что город остался все равно, что без драконов.

Из ворот города, неся на спинах детей и пожитки, тысячами повалили простолюдины, искающие прибежища в окрестностях. Другие рыли под своими лачугами ямы и проходы – темные сырье щели, где надеялись отсидеться, пока город будет полыхать. В Блошином Конце грянули бесчинства. Когда на востоке, в Черноводном заливе, показались паруса идущих к реке кораблей Морского Змея, зазвонили колокола всех септ города, и толпы черни высыпали на улицы, предавая разграблению все на своем пути. Десятки людей погибли, прежде чем золотые плащи сумели восстановить спокойствие.

Поскольку принца-регента и десницы короля в городе не было, а сам король Эйгон, обожженный и прикованный к постели, утопал в маковых снах, заботиться об обороне города выпало его матери, вдовствующей королеве. Алисента приняла вызов: затворила ворота замка и города, послала на стены золотых плащев и отправила всадников на быстрых конях отыскать принца Эймонда, дабы вернуть его назад.

Кроме того, Алисента велела великому майстеру Орвилю послать воронов ко «всем нашим верным лордам», призывая их на защиту законного короля. Но когда Орвиль спешно вернулся в свои покои, его поджидали четверо золотых плащев. Один из стражников заглушил крики старца, а другие – избили его и связали. С мешком на голове великого майстера препроводили вниз в темницы.

Гонцы королевы Алисенты не уехали далее ворот – там их задержали другие золотые плащи. Ее милости не было ведомо, что семь капитанов, поставленных начальствовать над воротами за их преданность королю Эйгону, были схвачены или убиты в тот самый миг, когда Караксес появился в небесах над Красным замком... ибо простые стражники все еще любили Деймона Таргариена, что начальствовал над ними в прежние времена.

Брат королевы, сир Гвейн Хайтауэр, второй по званию среди золотых плащев, бросился к конюшне, намереваясь поднять тревогу, но его скрутили, обезоружили и приволокли к его же начальнику,

сиру Лютору Лардженту. Когда Хайтауэр обозвал сира Лютора изменником, вывернувшим свой плащ наизнанку, тот рассмеялся и сказал:

– Плащи нам дал Деймон, и сколько их ни выворачивай, они со всех сторон золотые.

Затем он пронзил мечом живот сира Гвейна и повелел открыть городские ворота воинам, что хлынули потоком с кораблей Морского Змея.

Невзирая на хваленную мощь своих стен, Королевская Гавань не продержалась и дня. Короткое и кровавое побоище произошло у Речных ворот, где тринадцать рыцарей Хайтауэров с сотней латников прогнали золотых плащев, а затем восемь часов кряду сдерживали натиск неприятеля как изнутри города, так и извне. Но их отвага пропала втуне, ибо в то же время воины Рейниры беспрепятственно устремились в город через шесть других ворот. Вид драконов королевы в небесах сломил дух оборонявшихся, и оставшиеся сторонники короля Эйгона скрылись, бежали или преклонили колена.

Драконы опускались один за другим. Овцекрад приземлился на вершине холма Висенни, Среброкрылая и Вермитор – на холме Рейнис, рядом с Драконьим Логовом. Принц Деймон на Караксесе совершил круг над башнями Красного замка, прежде чем спуститься во внутренний двор. Лишь убедившись, что защитники не причинят ему никакого зла, он подал знак летевшей на Сиракс супруге-королеве, что можно снижаться и ей. Аддам Веларион оставался в небе, облетая на Морском Тумане городские стены. Биение широких кожистых крыльев его дракона предостерегало всех находящихся внизу – любое неповиновение будет встречено огнем.

Поняв безнадежность сопротивления, вдовствующая королева Алисента вышла из Красного замка в сопровождении своего отца, сира Отто Хайтауэра, сира Тайлена Ланнистера и лорда Джаспера Уайлда, Железного Посоха (лорда Лариса Стронга с ними не было,

мастер над шептунами ухитрился как-то исчезнуть). Королева Алисента попыталась договориться со своей падчерицей:

– Давайте вместе созвем Великий совет, как делал Старый король в былые времена, – сказала вдовствующая королева, – и поставим вопрос о престолонаследии перед лордами государства.

Но королева Рейнира презрительно отвергла ее предложение:

– Мы обе знаем, как рассудит сей совет.

А затем предоставила мачехе выбор: сдаться либо сгореть.

Склонив голову в знак поражения, королева Алисента сдала ключи от замка и повелела своим рыцарям и латникам сложить мечи. Как передавали, она заявила:

– Город ваш, принцесса, но долго вам его не удержать. Когда уходит кот, крысам раздолье, но мой сын, Эймонд, вернется с огнем и кровью.

Однако триумф Рейниры оказался далеко не полным. Ее люди нашли безумную королеву Хелейну, супругу ее соперника, запертой в своей опочивальне... но выломав дверь в покой короля, обнаружили только «его кровать, пустую, и ночной горшок, полный». Король Эйгон II исчез. Исчезли и его дети, шестилетняя принцесса Джейхейра и двухлетний принц Мейлор, вместе с рыцарями Королевской гвардии Рикардом Торном и Уиллисом Феллом. Даже вдовствующая королева, похоже, не знала, куда они делись, а Лютор Ларджент боялся, что через городские ворота никто не проходил.

Но не существовало способа тайно выкрасть Железный трон. А королева не заснула бы, не утвердившись на месте своего отца. Итак, в Тронном зале зажгли факелы, Рейнира поднялась по железным ступеням и уселась там же, где до нее сидел король Визерис, а прежде него Старый король, а в давние времена и Мейгор, и Эйнис, и Эйгон Дракон. С суровым лицом, не сняв брони, она восседала в вышине, и каждого человека в Красном замке подводили к трону и понуждали преклонить колена, дабы вымолить прощение и присягнуть своими жизнями, мечами и честью ей – законной королеве.

Церемония продолжалась всю ночь. Когда Рейнира Таргариен поднялась и сошла с трона, давно уже рассвело. «И пока лорд-супруг королевы принц Деймон провожал ее из зала, на ногах и левой ладони ее милости заметили порезы. Капли крови падали на пол там, где она шла, и знающие люди переглядывались, хотя никто не смел произнести правду вслух: Железный трон отверг Рейниру, и дни, что она проведет на нем, сочтены».

Все сие совершилось, пока принц Эймонд и сир Кристон Коль продвигались по Речным Землям. После девятнадцати дней похода они достигли Харренхолла... и обнаружили, что ворота замка открыты, а принц Деймон и все его люди ушли.

Принц Эймонд на протяжении всего похода держал Вхагар с главными силами, полагая, что его дядя на Караксесе может попытаться напасть. Он прибыл в Харренхолл на следующий день после Коля, и в ту же ночь праздновал великую победу. Эймонд провозгласил, что Деймон и «речной сброд» бежали, страшась его гнева. Неудивительно, что при известии о падении Королевской Гавани принц почувствовал себя трижды глупцом. На ярость его страшно было смотреть.

Война продолжилась западнее Харренхолла, где по Речным Землям упорно продвигались Ланнистеры. Из-за преклонного возраста и немощи командующего, лорда Леффорда, их воинство еле ползло. И когда они приблизились к западным берегам Божьего Ока, путь войску преградила новая огромная рать.

Родди Разоритель и его Зимние Волки объединили силы с Форрестом Фреем, лордом Переправы, и Рыжим Роббом Риверсом, известным как Лучник из Рэйвентри. Силы северян исчислялись двумя тысячами. Фрей возглавлял две сотни рыцарей и втрое более пеших воинов, Риверс привел на поле боя три сотни лучников. И едва лорд Леффорд остановился напротив вставших перед ним неприятелей, как еще более врагов показалось на юге – там к Лонглифу по прозванию Убийца Львов и остаткам его потрепанного

в прошлых битвах воинства присоединились лорды Бигглстоун, Чамберс и Перрин.

Зажатый меж двух противников, Леффорд не решался выступить против кого-либо из них, опасаясь, что другой нападет с тыла. Вместо сего он закрепился у озера, спиной к воде, и послал воронов к принцу Эймонду в Харренхолл, взывая о помощи. В воздух поднялась дюжина птиц, но ни одна не добралась до принца: Рыжий Робб Риверс, который слыл лучшим стрелком Вестероса, сбил всех на лету.

Днем позже подошло еще больше людей из Речных Земель. Их привели сир Гарибалд Грей, лорд Джон Чарльтон и новый лорд Рэйвентри, одиннадцатилетний Бенджикот Блэквуд. Пополнив свои ряды свежими рекрутами, люди королевы сочли, что пришло время для нападения.

– Лучше покончить со львами, пока не явились драконы, – сказал Родди Разоритель.

На следующий день с восходом солнца началось наикровопролитнейшее наземное сражение Танца Драконов. В анналы Цитадели оно вошло как Приозерная битва, но для тех, кто выжил, дабы поведать о нем, навсегда осталось Рыбьей Кормежкой.

Под натиском с трех сторон воинам Западных Земель пришлось шаг за шагом отступать в воды Божьего Ока. Сотни сгинули там, сраженные во время боя в зарослях камыша; еще сотни утонули, пытаясь сбежать. К приходу ночи полегло две тысячи человек, и среди них многое множество людей благородной крови, в числе которых оказались лорд Фрей, лорд Леффорд, лорд Бигглстоун, лорд Чарльтон, лорд Свифт, лорд Рейн, сир Кларент Krakехолл и сир Тайлер Хилл, Бастард из Ланниспорта. Воинство Ланнистеров рассеяли и уничтожили, но столь дорогой ценой, что юный Бен Блэквуд, маленький лорд Рэйвентри, рыдал, глядя на груды тел.

Найтягчайшие потери понесли северяне, ибо Зимние Волки выпросили себе честь начать битву и пять раз бросались на ряды

ланнистерских копий. Более чем две трети воинов из тех, что пришли на юг с лордом Дастином, были убиты либо изранены.

В Харренхолле Эймонд Таргариен и Кристон Коль обсуждали, как лучше ответить на удары королевы. Твердыня Черного Харрена была чересчур неприступна для штурма, и речные лорды не осмеливались начать осаду из страха перед Вхагар. Но войску короля недоставало еды и кормов, а болезни и голод губили людей и коней. Насколько хватало глаз, вокруг могучих стен замка простирались одни лишь почерневшие поля и сожженные деревни, а отряды заготовщиков, осмелившиеся отойти далее, не возвращались. Сир Кристон стоял за отступление к югу, где поддержка Эйгона была наисильнейшей, но принц отказался со словами «*лишь трус побежит от предателя*». Потеря Королевской Гавани и Железного трона привела его в неистовство, а когда Харренхолла достигла весть о Рыбьей Кормежке, принц-регент едва не задушил доставившего ее оруженосца. Только заступничество Алис Риверс, возлюбленной принца, спасло мальчику жизнь. Принц Эймонд почитал за лучшее немедленно напасть на Королевскую Гавань. Он настаивал, что ни один из драконов королевы не является ровней Вхагар.

Сир Кристон назвал сие безрассудством.

– Один против шестерых – битва для глупцов, мой принц, – заявил он.

Коль вновь убеждал, что им надлежит выступить на юг и объединить силы с лордом Хайтауэром. Принц Эймонд может воссоединиться со своим братом Дейроном и его драконом. Как известно, король Эйгон вырвался из хватки Рейниры, и он наверняка вернет себе Солнечного Огня и примкнет к своим братьям. И, возможно, их друзья в столице изыщут способ освободить королеву Хелейну, дабы та повела в бой Пламенную Мечту. Четверым драконам вполне по силам одолеть шестерых, если одной из четверки будет Вхагар.

Принц Эймонд отказался обсуждать такой «трусливый путь».

Сир Кристон и принц Эймонд решили разойтись. Колю долженствовало возглавить их войско и вести его к югу, навстречу Ормуунду Хайтауэру и принцу Дейрону, но принц-регент сопровождать их не намеревался. Вместо сего он предполагал вести собственную войну, изливая с небес на изменников потоки огня. Рано или поздно «королева-суга» пошлет одного-двух драконов, дабы остановить его, и Вхагар их уничтожит.

— Она не осмелится послать всех своих драконов, оставив Королевскую Гавань беззащитной и уязвимой, — утверждал Эймонд. — Не будет она рисковать и Сиракс или своим последним сыночком. Рейнира может именовать себя королевой, но у нее тело обычной женщины, робкое женское сердце и материнские страхи.

Так расстались Делатель Королей и Убийца Родичей, и каждый отправился навстречу своей судьбе. Тем временем в Красном замке королева Рейнира Таргариен принялась награждать своих друзей и жестоко карать тех, кто служил ее единокровному брату.

Были объявлены огромные награды за сведения, что повлекли бы за собой поимку «узурпатора, объявившего себя королем Эйгоном II», его дочери Джейхейры и сына Мейлора, «ложных рыцарей» Уиллиса Фелла и Рикарда Торна, а также Лариса Стронга Косолапого. Не добившись желаемого, ее милость разослала на поиски отряды «рыцарей-дознавателей», дабы они охотились за бежавшими от нее «предателями и злодеями» и карали всех, кто был уличен в помощи таковым.

Руки и ноги королевы Алисенты сковали золотыми цепями, хотя падчерица и сохранила ей жизнь «ради нашего отца, который некогда любил вас». Собственному отцу Алисенты повезло менее: сир Otto Хайтауэр, служивший десницей трем королям, первым лишился головы как изменник. За ним на плаху последовал и Железный Посох, по-прежнему настаивавший, что по закону сын короля наследует прежде дочери. Сира Тайлена Ланнистера вместо казни подвергли пыткам, в надежде воротить кое-что из сокровищ короны.

Столичный люд никогда особливо не любил ни Эйгона, ни его брата Эймонда, и многие горожане приветствовали возвращение королевы... но любовь и ненависть – две стороны одной монеты. И, когда на пиках над городскими воротами, что ни день, начали появляться новые головы, вкупе с тем, что подати становились все более обременительными, монета обернулась иной стороной. Люди говорили, что девушка, которую они некогда приветствовали как Отраду Королевства, выросла в алчную и мстительную женщину; что королева жестока, как ни один король до нее. Какой-то остряк поименовал Рейниру «королем Мейгором с титьками», и еще лет сто после того «мейгоровы титьки» были расхожим ругательством среди жителей Королевской Гавани.

Теперь, когда во власти Рейниры и под защитой не менее шести драконов находились город, замок и престол, она ощущала себя в достаточной безопасности и послала за своими сыновьями. От Драконьего Камня отчалила дюжина кораблей, которые везли фрейлин королевы и ее сына, Эйгона Младшего. Рейнира назначила мальчика своим виночерпием, дабы всегда держать его рядом с собой. Еще одна флотилия покинула Чаячий город с принцем Джоффри, последним из троих сыновей королевы от Лейнора Велариона, а также его драконом Тираксесом. Ее милость принялась помышлять о пышных празднованиях в честь торжественного провозглашения Джоффри принцем Драконьего Камня и наследником Железного трона.

Упиваясь победой, Рейнира Таргариен не подозревала, сколь мало дней ей осталось. И всякий раз, когда она восседала на Железном троне, его безжалостные лезвия вновь исторгали кровь из ее рук и ног – знак, прочесть который мог любой.

За стенами города по всем Семи Королевствам продолжались бои. В Речных Землях сир Кристон Коль покинул Харренхолл и направился к югу по западным берегам Божьего Ока. За ним шло три тысячи шестьсот человек (ибо смерти, болезни и отступничество проредили войско, выступившее из Королевской Гавани). Принц

Эймонд на Вхагар отбыл еще ранее. Теперь одноглазый принц, не привязанный более ни к замку, ни к войску, волен был лететь, куда желал. Вхагар вновь и вновь обрушивалась с осенних небес, разоряя земли, села и замки речных лордов; то была война, что ведут огнем драконов, – так когда-то сражались Эйгон Завоеватель и его сестры. Первым гнева принца познал дом Дарри: люди, убиравшие урожай, сгорели заживо или бежали, как только поля занялись пламенем, а сам замок Дарри поглотила огненная буря. Леди Дарри с младшими детьми уцелела, укрывшись в подвалах замка, но ее лорд-супруг с сыном-наследником пали на стенах крепости вместе с четырьмя десятками их присяжных рыцарей и лучников. Тремя днями позже былпущен на дым город лорда Харровея. Лордова Мельница, Пряжка и Черная Пряжка, Глинистый Пруд, Шумный Брод, Паучий Лес – все они поочередно изведали ярость Вхагар, пока не заполыхала половина Речных Земель.

С пожарами столкнулся и сир Кристон Коль. Когда он вел своих людей на юг по Речным Землям, и впереди, и позади него поднимался дым. Всякая деревня, к которой выходил Коль, оказывалась сожженной и покинутой. Там, где лишь несколькими днями ранее были живые рощи, рать его двигалась сквозь леса мертвых деревьев, ибо речные лорды предавали огню все на пути Делателя Королей. В каждом ручье, каждом пруду и каждом деревенском колодце обнаруживалась смерть: воду отравляли раздувшиеся и смердящие трупы коней, коров и людей. В одном месте разведчики Коля наткнулись на жуткую сцену – под деревьями, в глумливом изображении пиршества, сидели мертвецы в доспехах и гниющих одеждах. Пиরующими были воины, павшие в битвах: под ржавыми шлемами скалились черепа, и зеленая прелая плоть оползала с костей.

В четырех днях пути от Харренхолла начались нападения. Среди деревьев прятались стрелки и из длинных луков выбивали передовых и отставших. Кто-то погиб, кто-то отился от замыкающего охранения и более его уже не видели, кто-то сбежал,

бросив щит и копье и растворившись в лесах, а кто-то перешел к противнику. На общинном поле в Скрещенных Вязах обнаружился еще один пир мертвецов – разведчикам сира Кристона подобное зрелище было уже знакомо. Они скривились и проехали мимо, не обращая внимания на разлагающиеся тела... пока мертвецы не вскочили и не набросились на них. Прежде чем разведчики поняли, что все было уловкой, погибла дюжина.

Но то было лишь началом, ибо лорды Трезубца собирали силы. Когда сир Кристон оставил озеро позади и двинулся к Черноводной посуху, обнаружилось, что на вершине каменистой гряды его уже поджидали. Триста конных рыцарей в латах. Столько же лучников с длинными луками и три тысячи стрелков с обычными. И еще три тысячи оборванных копейщиков из Речных Земель, и сотни северян, потрясавших топорами, молотами, шипастыми булавами и древними железными мечами. Над их головами развевались знамена королевы Рейниры.

Последовавшая затем битва оказалась столь неравной, как никакая другая в Танце. Лорд Родерик Дастин поднес к устам боевой рог и протрубил начало боя. Воины королевы с криками хлынули вниз с гряды, а впереди всех – Зимние Волки на своих лохматых северных лошадках и рыцари на одоспешенных боевых конях. Когда сраженный насмерть сир Кристон пал наземь, ратников, что шли за ним от Харренхолла, покинул боевой дух. Они рассеялись и бежали, побросав щиты, а враги настигали их и рубили сотнями.

На День Девы 130 года после 3.Э. Цитадель Староместа разослала триста белых воронов, возвещавших приход зимы, но для Рейниры Таргариен то был разгар лета. Невзирая на неприязнь жителей Королевской Гавани, и сам город, и корона принадлежали ей. По ту сторону Узкого моря Триархия начала раздирать себя на части, и над морем властвовал дом Веларионов. Хотя снега и занесли перевалы Лунных Гор, Дева Долины осталась верна слову и послала морем людей для войска королевы. Другие флотилии привезли воинов Белой Гавани под началом родных сыновей лорда Мандерли,

Медрика и Торрхена. С какой стороны ни посмотри, могущество Рейниры возрастало, власть же Эйгона шла на убыль.

Но ни одну войну нельзя считать выигранной, пока еще остаются неповерженные враги. Хотя Делатель Королей, сир Кристон Коль, погиб, но созданный им король Эйгон II находился где-то в государстве – живой и на свободе. Равным образом в бегах пребывала и Джейхейра, дочь Эйгона. Пропал Ларис Стронг Косолапый, презагадочнейший и наихитроумнейший участник Зеленого совета. Штормовой Предел все еще держал лорд Боррос Баратеон, отнюдь не друг королеве. К противникам Рейниры надлежало причислить и Ланнистеров – хотя лорд Джейсон погиб, большую часть конницы Запада перебили или рассеяли, а Утес Кастерли пребывал в совершеннейшем беспорядке.

Принц Эймонд стал ужасом Трезубца: низвергаясь с небес, он сеял в Речных Землях огонь и смерть, затем пропадал, лишь дабы на следующий день вновь ударить пятьюдесятью лигами далее. Пламя Вхагар обратило Старую и Белую Ивы в золу, а Хогхолл – в почерневшие камни. У Мерридаунской лощины от огня дракона погибли тридцать человек и триста овец. Затем Убийца Родичей неожиданно вернулся в Харренхолл, где сжег все, что в замке было деревянного. Пытаясь убить его дракона, сгинули десятка четыре латников и шесть рыцарей. Разнеслись вести о сих налетах, и прочие лорды в страхе глядывались в небеса, гадая, кто станет следующим. Лорд Мутон из Девичьего Пруда, леди Дарклин из Сумеречного Дола и лорд Блэквуд из Рэйвентри слали королеве спешные донесения, умоляя ее выслать драконов и защитить их владения.

Однако наивеличайшую опасность для власти Рейниры представлял не Эймонд Одноглазый, а его младший брат, принц Дейрон Отважный, и огромная южная рать под началом лорда Ормунда Хайтауэра.

Войско Хайтауэра пересекло Мандер и медленно продвигалось к Королевской Гавани, разбивая в боях сторонников королевы, где бы и когда бы те ни пытались воспрепятствовать. Каждого лорда,

преклонившего колена, Хайтаэр вынуждал примкнуть со всеми его людьми к собственному воинству. Принц Дейрон оказался бесценным разведчиком – вылетая на Тессарион перед основными силами, он заблаговременно упреждал лорда Ормунда обо всех передвижениях и укреплениях неприятеля. Обыкновенно воинство Рейниры охотнее испарялось при первом взгляде на крылья Синей Королевы, нежели сталкивалось в бою с драконьим пламенем.

Осведомленный обо всех перечисленных угрозах, десница королевы Рейниры, старый лорд Корлис Веларион внушал ее милости, что подошло время переговоров. Он убеждал королеву предложить прощение лордам Баратеону, Хайтаэру и Ланнистеру, коль скоро те преклонят колена, присягнут на верность и предоставят Железному трону заложников. Морской Змей намеревался препоручить королев Алисенту и Хелейну заботам Святой веры, дабы те могли провести остаток своих дней в молитвах и размышлениях. Дочь Хелейны, Джейхейру, можно было сделать его собственной воспитанницей, а со временем обвенчать с принцем Эйгоном Младшим, вновь соединив две ветви дома Таргариенов.

– А как быть с моими единокровными братьями? – потребовала ответа Рейнира, когда Морской Змей изложил ей сей замысел. – Со лжекоролем Эйгоном и убийцей родичей Эймондом? Желаете, дабы я простила и их – тех, кто захватил мой трон и убил моих сыновей?

– Пощадите их и сошлите на Стену, – отвечал лорд Корлис. – Пусть наденут черное и доживают свой век людьми Ночного Дозора, связанные священными обетами.

– Что клятвопреступникам до обетов? – настойчиво допытывалась королева. – Никакие обеты не помешали им отобрать у меня трон.

Опасениям ее милости вторил принц Деймон. Он настаивал, что дарование прощения мятежникам и предателям лишь посеет семена новых восстаний.

– Война закончится, когда головы всех изменников возденут на пики над Королевскими воротами, и никак не ранее.

Эйгона II со временем найдут «зарывшимся под какой-либо камень», но идти войной на Эймонда и Дейрона можно и должно. И Ланнистеров, и Баратеонов также подобает истребить, а их земли и замки могли бы быть пожалованы людям, выказавшим преданности поболее.

– Отдайте Штормовой Предел Ульфу Белому, а Утес Кастерли – Крепкому Хью Молоту, – предлагал принц... к ужасу Морского Змея.

– Половина лордов Вестероса повернется против нас, если мы проявим подобную жестокость, истребив два столь древних и знатных дома, – заявил лорд Корлис.

Ее милости пришлось самой делать выбор между своим супругом и своим десницей. Рейнира решила держаться золотой середины. Она отправит послов в Штормовой Предел и Утес Кастерли, предлагая «честные условия» и прощение... после того, как разделается с братьями узурпатора, что продолжали вести войну против нее.

– Когда они сгинут, прочие преклонят колена. Умертвите их драконов, дабы я могла водрузить драконы головы на стены Тронного зала. Пусть все грядущие годы люди взирают на них – так они познают цену измены.

Разумеется, Королевская Гавань не могла пребывать без защиты. Рейнира оставалась в столице вместе с Сиракс, как и ее сыновья Эйгон и Джоффри, чьи особы нельзя было подвергать опасности. Джоффри, хотя ему еще не сравнялось тринадцати, жаждал показать себя воином. Но когда ему сказали, что Тираксес необходим, дабы помочь его матушке удержать Красный замок в случае нападения, мальчик торжественно поклялся исполнить сие. Аддам Веларион, наследник Морского Змея, также остался в городе вместе с Морским Туманом. Трех драконов было вполне достаточно для обороны Королевской Гавани; прочие отправлялись в бой.

Сам принц Деймон собирался забрать Караксеса вместе с девицей Крапивой и Овцекрадом на Трезубец, дабы найти принца Эймонда и Вхагар и покончить с обоими. Ульфу Белому и Крепкому

Хью Молоту предстояло лететь в Тамблтон – последнюю верную королеве твердыню между лордом Хайтауэром и столицей, примерно в пятидесяти лигах к юго-западу от Королевской Гавани. Им надлежало оказать помощь в обороне города и его замка, а также уничтожить принца Дейрона и Тессарион.

Принц Деймон Таргариен и маленькая смуглая девушка, прозванная Крапивой, долго и безуспешно охотились за Эймондом Одноглазым. Они обосновались в Девичьем Пруду – по приглашению лорда Манфрида Мутона, жившего в страхе перед нападением Вхагар на его город. Но принц Эймонд наносил удары у подножия Лунных гор – в Каменной Голове, на Зеленом Зубце – в Сладкой Иве, и на Красном Зубце – в Скороплясе. Он обратил в золу Стрелометный Мост, спалил Старую Переправу и Стариковскую Мельницу, разрушил септрий Матери в Бечестере, всегда исчезая в небе до того, как появятся преследователи. Вхагар никогда не задерживалась надолго, а уцелевшие часто не могли сойтись во мнениях, в какую сторону улетел дракон.

Каждый день на рассвете Караксес и Овцекрад вылетали из Девичьего Пруда, поднимались ввысь и описывали над Речными Землями все более и более широкие круги, надеясь заметить внизу Вхагар... но лишь дабы воротиться ни с чем на закате. Лорд Мутон настолько осмелел, что предложил драконым всадникам разделиться, дабы при поисках покрывать вдвое более пространства. Принц Деймон отказался. Он напомнил его светлости, что Вхагар – последняя из трех драконов, что пришли в Вестерос с Эйгоном Завоевателем и его сестрами. Хотя она и стала медлительнее, нежели столетие назад, но выросла почти столь же громадной, как Черный Ужас в давние времена. Ее пламя жгло столь жарко, что плавило камень, и ни Караксес, ни Овцекрад не сравнились бы с ней в свирепости. Только оба дракона вместе могли надеяться выстоять против нее. И принц держал девицу Крапиву при себе и днем и ночью, как в небесах, так и в замке.

Тем временем на юге назревала битва за Тамблтон, процветающий торговый город на Мандере. Над городом возвышался замок, крепкий, но невеликий, с гарнизоном не более чем в сорок человек. Однако еще тысячи пришли с низовий Мандера: из Горького Моста, Длинного Стола, и с еще более дальнего юга. Прибытие сильного войска речных лордов приумножило силы сторонников королевы и укрепило их решимость. Все говорили, что под знаменами Рейниры в Тамблтоне собралось около девяти тысяч ратников. Люди лорда Хайтауэра намного превосходили их числом. Без сомнения, защитники Тамблтона горячо приветствовали и появление драконов Вермитора и Среброкрылой вместе с их всадниками. Они и помыслить не могли об ужасах, что их ожидали.

Обстоятельства и причины того, что получило известность как Тамблтонская измена, остаются предметом изрядных споров. Правды обо всем случившемся, вероятно, не узнать никогда. Представляется, что иные из людей, что нахлынули в город, спасаясь от войска лорда Хайтауэра, в действительности были частью сего воинства, высланной вперед, дабы проникнуть в ряды защитников. Однако их предательство мало что значило бы, не надумай сир Ульф Белый и сир Хью Молот также сменить сторону именно в данный час.

Поскольку ни один из Двух Изменников (как поименовала их история) не ведал ни чтения, ни письма, мы никогда не узнаем, что сподвигло их на содеянное. Однако о битве при Тамблтоне нам известно предостаточно. Шесть тысяч воинов королевы построились, дабы встретить лорда Хайтауэра в поле, и какое-то время сражались храбро. Но смертоносный ливень стрел лучников лорда Ормунда проредил их строй, а сокрушительный удар тяжелой конницы разбил полностью, вынудив уцелевших бежать обратно в город. Когда большинство выживших оказалось под защитой стен Тамблтона, Родди Разоритель и его Зимние Волки устроили вылазку через задние ворота и со своими устрашающими северными боевыми кличами обошли левое крыло наступавших. В создавшемся

хаосе северяне пробились сквозь вдесятеро превосходившего их числом неприятеля к лорду Ормунду Хайтауэру, восседавшему на боевом коне под золотым драконом короля Эйгона и знаменами Староместа и Высокой башни. Налетел лорд Родерик – как рассказывают певцы, в крови с головы до пят, с выщербленным щитом и в расколотом шлеме, но столь опьяненный боем, что, казалось, он даже не ощущал своих ран. Сир Бриндон Хайтауэр, родич лорда Ормунда, встал между северянином и своим сюзереном. Одним ужасным взмахом секиры он по плечо отрубил руку Разорителя вместе со щитом... однако свирепый лорд Барроутона продолжал бой, сразив и сира Бриндона, и лорда Ормунда, прежде чем пасть самому. Знамена лорда Хайтауэра рухнули, и горожане возликовали, сочтя, что ход битвы переменился. Даже появление Тессарион на другом краю поля не встревожило людей, знаяших, что и на их стороне есть два дракона... но когда Вермитор и Среброкрылая взмыли в небо и извергнули пламя на Тамблтон, радостные крики сменились воплями ужаса.

Тамблтон вспыхнул – лавки, дома, септы, люди, все и вся. Пылающие люди падали с надвратных укреплений и зубчатых стен или с криками ковыляли по улицам ровно множество живых факелов. Два Изменника исхлестали город огненными бичами от края до края. Далее последовало разорение города – наибезжалостнейшее за всю историю Вестероса. Тамблтон, богатый торговый город, превратился в пепел и угли и никогда уже заново не отстроился. Тысячи человек сгорели и столько же потонули, пытаясь уплыть по реке. Кое-кто потом утверждал, что таким людям повезло, ибо выжившим не было пощады. Воины лорда Футли сложили мечи и сдались, но их связали и обезглавили. Над горожанками, что выжили в пожарах, многократно надругались, включая девочек десяти или даже восьми лет. Предавали мечу и стариков, и младенцев, в то время как драконы пожирали изуродованные, дымящиеся тела своих жертв.

Примерно в те же дни потрепанный торговый когг «Нессария» приплелся в гавань Драконьего Камня для починки и пополнения припасов. Матросы говорили, что корабль возвращался из Пентоса в Старый Волантис, когда шторм сбил его с пути... но к знакомой песне об опасностях моря волантийцы добавили необычную ноту. Когда «Нессарию» уносило на запад, перед ними возникла Драконья гора, огромная на фоне заходящего солнца... и моряки заметили двух сражающихся драконов, чей рев эхом отдавался от черных отвесных утесов на восточных склонах курящейся горы. На побережье во всех тавернах, постоянных дворах и веселых домах рассказывали, пересказывали и приукрашивали сию историю, пока ее не услышали все жители Драконьего Камня.

Людям Старого Волантиса драконы были в диковину; бой двух таких созданий стал для моряков с «Нессарии» незабываемым зрелищем. А те, кто родился и воспитывался на Драконьем Камне, выросли рядом с подобными зверями... тем не менее, история моряков вызвала любопытство. Следующим утром местные рыбаки проплыли на своих лодках мимо Драконьей горы и, вернувшись, рассказали, что углядели у ее подножия бездыханное тело дракона, обгоревшее и изувеченное. Судя по цвету крыльев и чешуи, разодранная пополам, растерзанная и частично съеденная туша принадлежала Серому Призраку.

Услышав сии вести, сир Роберт Квинс, добродушный и отменно дородный рыцарь, которого Рейнира при своем отбытии назначила кастеляном Драконьего Камня, не мешкая, объявил убийцей Каннибала. Большинство с ним соглашалось, ибо известно было, что Каннибал в прошлом нападал на маленьких драконов, хотя и редко с такой свирепостью. Кое-кто из рыбаков, опасавшихся стать следующей целью убийцы, убеждал Квинса послать рыцарей к логову зверя, дабы покончить с ним. Но кастелян отказался:

– Если мы не станем тревожить Каннибала, то и он не потревожит нас, – объявил сир Роберт.

И для уверенности он запретил ловить рыбу у восточного склона Драконьей горы, где лежали гниющие останки дракона.

Между тем, на западном берегу Черноводного залива слухи о битве и предательстве в Тамблтоне достигли столицы. Как говорят, услышав о том, вдовствующая королева Алисента, рассмеявшись, посудила:

– Все, что они посеяли, теперь сами пожнут.

На Железном троне королева Рейнира побледнела и ослабла. Она повелела наглухо закрыть городские ворота – отныне никому не дозволялось ни въезжать в Королевскую Гавань, ни покидать ее.

– Мне не нужны перевертыши, что прокрадутся в мой город и откроют ворота бунтовщикам, – провозгласила ее милость.

Рать лорда Ормунда могла оказаться у стен столицы завтра же или через день, а драконорожденные Изменники – и того ранее.

Сия возможность взволновала принца Джоффри.

– Пусть приходят, – заявил мальчик. – Я встречу их на Тираксесе!

Его матушку такие речи растревожили, и она объявила:

– Сего ты не сделаешь – излишне молод еще для битвы.

Все же королева позволила мальчику остаться на Черном совете, где обсуждалось, как лучше сладить с приближающимся противником.

В Королевской Гавани осталось шесть драконов. Но лишь один из них находился в стенах Красного замка: Сиракс, собственная драконица королевы. Ей предоставили конюшни внешнего двора, убрав оттуда лошадей. На земле Сиракс удерживали тяжелые цепи – достаточные, дабы перемещаться с конюшни на двор, но не позволявшие улететь без всадника. К цепям она привыкла давным-давно; ее прекрасно кормили, и драконица уже много лет не охотилась.

Прочих держали в Драконьем Логове, исполинском строении, что возвел как раз для таких нужд король Мейгор Жестокий. Под необъятным куполом Логова в недрах холма Рейнис выдолбили гигантское кольцо из сорока огромных сводчатых гrotов. С обеих

сторон сии рукотворные пещеры закрывали массивные железные двери: внутренние вели на песок ямы, наружные отворялись на склоны холма. Здесь устраивали свои логовища Караксес, Вермитор, Среброкрылая и Овцекрад, прежде чем отправиться на войну. Ныне драконов осталось пятеро: Тираксес принца Джоффри, светло-серый Морской Туман Аддама Велариона, юные драконы Моргул и Шрикос, что были связаны с принцессой Джейхейрой (бежала) и ее братом-близнецом принцем Джейхейрисом (погиб)... и Пламенная Мечта, любимица королевы Хелейны. По давнему обычаю, хотя бы одному драконьему всаднику полагалось пребывать в Логове, дабы он мог встать на защиту города, появясь в том нужда. Сей долг выпал Аддаму Велариону, поскольку сыновей короля Рейнира желала держать при себе.

Но ныне на Черном совете раздались голоса, усомнившиеся в преданности сира Аддама. Отпрыски драконов Ульф Белый и Хью Молот перешли на сторону врага... но были ли они единственными переметчиками среди себе подобных? Как насчет Аддама из Халла и девицы Крапивы? Они ведь такжеbastardовых кровей. Возможно ли им доверять?

Лорд Бартимос Селтигар счел, что нет.

– Бастарды вероломны по своей натуре – заявил он. – Предательство дается бастарду столь же легко, сколь преданность законнорожденному. Оно у них в крови.

Лорд призвал ее милость немедленно схватить двоих незаконнорожденных драконьих всадников, прежде чем те возмогли бы также перейти к неприятелю вместе с драконами. Прочие вторили мнению Селтигара, и в их числе сир Лютор Ларджент, начальствующий над городской стражей, и сир Лорент Марбранд, лорд-командующий Королевской гвардии. Даже двое мужей из Белой Гавани, грозный рыцарь сир Медрик Мандерли и его тучный и рассудительный брат сир Торрхен, призывали королеву к недоверию.

– Лучше не испытывать судьбу. Если противник получит еще двух драконов, мы пропадем, – сказал сир Торрхен.

В защиту отпрысков дракона высказался только лорд Корлис, заявивший, что сир Аддам и его брат Алин «истинные Веларионы» и достойные наследники Дрифтмарка. Что же до девицы, то пусть будет и чумазой, и невзрачной, но она храбро сражалась в Глотке.

– Так же, как и Два Изменника, – возразил лорд Селтигар.

И страстные возражения десницы оказались тщетными. В королеве пробудились все ее страхи и подозрения. Рейниру предавали столь многие и столь часто, что она легко верила наихудшему о ком угодно. Вероломством ее милость было уже не удивить. Она стала ожидать сего, даже от тех, кого сильнее всех любила.

Королева повелела сиру Лютору Лардженту отправиться с двадцатью золотыми плащами в Драконье Логово и заключить под стражу сира Аддама Велариона. И таким образом предательство породило королеве на погибель предательство еще большее. Когда сир Лютор Ларджент и его люди с указом королевы въезжали на холм Рейнис, перед ними распахнулись двери Логова – и Морской Туман расправил светло-серые крылья и взлетел, исторгая из ноздрей дым. Сира Аддама Велариона предупредили как раз вовремя, дабы он успел совершить побег. Не выполнивший свой долг сир Лютор во гневе немедленно вернулся в Красный замок и ворвался в Башню десницы. Он схватил пожилого лорда Корлиса и обвинил его в измене. Старик сего не отрицал. Связанного и избитого, но все еще хранившего молчание, его бросили в подземелье, в каменный мешок – ожидать суда и казни.

Толки о тамблтонской бойне тем временем расположились по городу... а вместе с ними и ужас. Люди уверяли друг друга, что следующей станет Королевская Гавань. Дракон будет биться с драконом, и на сей раз столица уж точно заполыхает. Исполнившись страха перед наступающим врагом, горожане сотнями стремились спастись бегством, но золотые плащи отгоняли их от ворот. Будучи

запертymi в стенах города, одни искали в глубоких погребах укрытия от огненной бури, прихода которой боялись; другие обратились к молитве, выпивке и тем удовольствиям, что можно найти промеж бедер женщин. К сумеркам городские таверны, бордели и септы до отказа наполнились людьми, что искали утешения или спасения и делились чудовищными слухами.

В Тамблтоне, шестьюдесятью лигами к юго-западу, царил хаос иного рода. В то время как Королевская Гавань трепетала в ужасе, враги, которых страшились в столице, не приблизились к ней ни на шаг. Сторонники короля Эйгона оказались без вождя, и их терзали разногласия, споры и сомнения. Ормунд Хайтаэр погиб, а с ним и его родич сир Бриндон, первыйший рыцарь Староместа. Сыновья Ормунда остались в Высокой башне в тысяче лиг позади, да и были они зелеными мальчишками. Мальчишкой был и Дейрон Таргариен – хотя лорд Ормунд и прозвал принца «Дейроном Отважным», и хвалил его доблесть в битве. Самый младший из сыновей короля Эйгона⁶, он вырос в тени своих старших братьев и привык скорее подчиняться распоряжениям, нежели отдавать их. Старшим из Хайтаэров, что остались при войске, был сир Хоберт, еще один родич лорда Ормунда, которому доселе вверяли лишь обоз. Человек «столь же дородный, сколь и тугой на ум», Хоберт Хайтаэр прожил шестьдесят лет, ничем себя не отличив. Теперь же, однако, он располагал принять на себя начальствование над войском по праву своего родства с королевой Алисентой.

Редко какой город или городок в истории Семи Королевств подвергался столь долгому, жестокому и бесчеловечному разграблению, как Тамблтон после Измены. Принц Дейрон испытал отвращение от всего, что узрел, и повелел сиру Хоберту Хайтаэру положить сему конец, но от всех усилий Хайтаэра было не более проку, нежели от него самого.

---

⁶ В оригинале именно так: «The youngest of King Aegon's sons». Хотя Дейрон приходится младшим сыном королю Визерису и братом королю Эйгону.

Наихудшие преступления лежали на совести Двух Изменников – незаконнорожденных драконьих всадников Хью Молота и Ульфа Белого. Сир Ульф всецело предался пьянству, утопив себя в вине и женских ласках, а тех, кто не мог его удоволить, скормливал своему дракону. Рыцарское звание, которое даровала ему королева Рейнира, Ульфа не устраивало; мало ему было и того, что принц Деймон нарек его лордом Горького Моста. У Белого была на уме награда посолиднее: он желал себе во владение не менее чем Хайгарден, заявив, что Тиреллы устранились от Танца, а посему должно лишить их прав как изменников.

Но честолюбивые помыслы сира Ульфа надобно счесть скромными в сравнении с притязаниями его дружка-переметчика – Хью Молота. Молот, сын простого кузнеца, будучи исполинского роста, руки имел столь сильные, что мог, как говорили, скрутить стальные прутья в ожерелье. Хотя он почти вовсе не обучался искусству боя, рост и сила делали его грозным противником. Излюбленным оружием сира Хью был боевой молот, которым он наносил сокрушительные смертоносные удары. В сражение Молот отправлялся на Вермиторе, что некогда летал под седлом самого Старого короля; изо всех драконов Вестероса лишь Вхагар была старее и крупнее. В силу всех означенных причин лорд Молот, как ныне он себя величал, начал грезить о короне. Он говорил людям, что стали собираться вокруг него:

– Зачем быть лордом, когда можно стать королем?

Никто из Двух Изменников, похоже, не спешил помочь принцу Дейрону начать наступление на Королевскую Гавань. У них имелось мощное войско и к тому же три дракона. Но и у королевы также было три дракона (насколько они знали), а с возвращением принца Деймона и Крапивы стало бы пять. Лорд Пик предпочитал отложить всякое наступление до той поры, когда лорд Баратеон возможет подтянуть свои силы от Штурмового Предела и присоединиться к ним. Сир Хоберт желал отступить назад в Простор, дабы пополнить быстро тающие припасы. Никого, казалось, не заботило, что их

войско уменьшается с каждым днем, испаряясь, как утренняя роса, – все более и более ратников уходило тайком, возвращаясь к домашнему очагу и несобранному урожаю со всей добычей, что могли унести с собой.

Многими лигами севернее, в замке с видом на Крабий залив, еще один лорд нежданно для себя оказался скользящим по лезвию меча. Из Королевской Гавани прибыл ворон с посланием Рейниры к Манфриду Мутону: лорду Девичьего Пруда надлежало доставить ей голову Крапивы, девицы-bastarda, которая, как говорили, стала возлюбленной принца Деймона, и которую королева по сей причине обвинила в государственной измене. «*Моему лорду-супругу, принцу Деймону из дома Таргариенов, не должно причинять зла, – повелевала ее милость. – Когда дело будет исполнено, отошлите принца обратно ко мне, ибо мы крайне нуждаемся в нем.*

Мейстер Норрен, блюститель «Хроник Девичьего Пруда», повествует, что после прочтения письма королевы его светлость испытал такое потрясение, что утратил дар речи – и не обрел его снова, пока не испил три чаши вина. Вслед за тем лорд Мутон послал за капитаном стражи, за своим братом и за сиром Флорианом Грейстилом, своим первым бойцом. Также он повелел остаться и мейстеру. Когда все собрались, лорд зачитал письмо и испросил их совета.

– Такое содеять легко, – сказал капитан стражи. – Принц спит рядом с ней, но он уже стар. Вздумай он вмешаться – троих вполне хватило бы удержать его. Но я возьму шестерых, для уверенности. Желает ли милорд исполнить сие нынче ночью?

– Шестерых или шестьдесят – он все еще Деймон Таргариен, – возразил брат лорда Мутона. – Мудрее будет подлить ему в вечернее вино сонного зелья. Пусть найдет ее мертвой, когда проснется.

– Девица всего лишь ребенок, сколь мерзки бы ни были ее измены, – молвил сир Флориан, постаревший суровый рыцарь, убеленный сединами. – Старый король никогда не попросил бы о таком ни одного человека чести.

– Мерзкие времена, – сказал лорд Мутон, – и мерзкий выбор предлагает мне сия королева. Девушка – гостья под моим кровом. Если я повинуюсь, Девичий Пруд будет проклят вовеки. А если откажусь, мы будем лишены всех прав и уничтожены.

На что его брат ответил:

– Возможно, нас уничтожат, какой бы выбор мы ни совершили. Принц души не чает в смуглой малышке, и дракон его неподалеку. Мудрый лорд сгубил бы их обоих, дабы принц во гневе не сжег Девичий Пруд.

– Королева запретила чинить ему зло, – напомнил лорд Мутон. – И убийство двух гостей в их постелях вдвойне подлее убийства одного. И я буду проклят дважды.

Вслед за тем он со вздохом вымолвил:

– Хотелось бы мне никогда не читать сего письма.

И тогда подал голос майстер Норрен, заявивший:

– А возможно, вы его и не читали.

Что было сказано после сего – неизвестно. Мы знаем лишь то, что майстер, молодой человек двадцати двух лет, нашел тем вечером принца Деймона и девицу Крапиву за ужином и показал им письмо королевы. Прочитав послание, принц Деймон произнес:

– Слова королевы, деяния шлюхи, – затем обнажил свой меч и спросил, не ждут ли люди лорда Мутона за дверью, дабы схватить их. Узнав, что майстер пришел один и втайне, принц вложил меч в ножны со словами:

– Плохой вы майстер, но хороший человек.

После чего повелел ему уйти, наказав «не говорить ни слова о том ни лорду, ни возлюбленной вплоть до утра».

Нигде не записано, как принц и его девица-bastard провели последнюю ночь в доме лорда Мутона. Но когда забрезжил рассвет, они вместе появились во дворе, и принц Деймон в последний раз помог Крапиве взобраться на спину Овцекрада. Обычно девица задавала корм зверю каждый день перед полетом, ибо драконы гораздо терпимей к своим всадникам, когда сыты. В то утро Крапива

скормила Овцекраду черного барана, наикрупнейшего во всем Девичьем Пруду, самолично перерезав скотине горло. Когда она забралась на дракона, как пишет мейстер Норрен, ее кожаные одежды наездника заливалась кровью, а «ее щеки заливали слезы». Ни слова прощания не прозвучало между мужчиной и девицей. Но как только Овцекрад забил бурыми кожистыми крылами и воспарил в светлеющее небо, Караксес поднял голову и издал вскрик, от которого вдребезги разбились все окна в башне Джонкиль. Высоко над городом Крапива повернула дракона на Крабий залив и исчезла в утреннем тумане. Ни при дворе, ни в замках ее более не видели.

Деймон Таргариен воротился в замок, лишь дабы разделить завтрак с лордом Мутоном.

– Мы видимся в последний раз, – сказал принц его светлости. – Благодарю за ваше гостеприимство. Дайте знать всем в ваших землях, что я лечу в Харренхолл. И если мой племянник Эймонд осмелится встретиться со мной лицом к лицу, то найдет меня там. Одного.

Так принц Деймон навсегда покинул Девичий Пруд. После его отбытия мейстер Норрен явился к своему лорду, дабы сказать:

– Снимите цепь с моей шеи и свяжите ей мои руки. Вам надлежит отправить меня к королеве. Предупредив изменницу и дав ей сбежать, я сам совершил измену.

Но лорд Мутон отказался:

– Оставь себе свою цепь, – промолвил его светлость. – Мы все здесь изменники.

И в ту же ночь реявшие над воротами Девичьего Пруда расщепленные знамена королевы Рейниры опустились, а вместо них вознеслись золотые драконы короля Эйгона II.

А над почерневшими укреплениями и разрушенными главными башнями Харренхолла не реяло ни единого знамени, когда принц Деймон спустился с неба, дабы захватить замок для себя. Лишь несколько бродяг нашли убежище в глубоких подвалах и подземельях замка, но шум крыльев Караксеса прогнал их прочь. После того, как последний из них исчез, Деймон Таргариен в

одиночестве обошел похожие на пещеры чертоги твердыни Харрена, не имея иных спутников, кроме дракона. Каждый вечер на закате принц оставлял зарубку на сердце-древе богоюсти, дабы обозначить еще один прошедший день. Тринадцать отметин все еще можно узреть на том чардреве. Раны стары, глубоки и темны, но всякий лорд, что правил Харренхоллом со времен Деймона, утверждал, что каждую весну они кровоточат вновь.

На четырнадцатый день бдения принца над замком пронеслась тень, чернее любой мимолетной тучи. В богоюще растревоженные птицы поднялись в воздух, а горячий ветер погнал по двору опавшие листья. Вхагар наконец явилась, и на спине ее восседал одноглазый принц Эймонд Таргариен в полночно-черной броне, выложенной золотом.

Убийца Родичей прибыл не один – с ним прилетела Алис Риверс. Позади нее струилась мгла длинных волос, а живот округлило дитя. Принц Эймонд описал два круга над башнями Харренхолла, после чего посадил Вхагар во внешнем дворе, в сотне ярдов от Караксеса. Драконы со злобой глянули друг на друга, и Караксес с шипением расправил крылья, а меж зубов его заплясало пламя.

Принц помог своей женщины спуститься со спины Вхагар и повернулся к Деймону.

– Я слышал, что ты нас ищешь, дядюшка.

– Только тебя, – отозвался Деймон. – Кто подсказал, где найти меня?

– Моя леди, – ответил Эймонд. – Она видела тебя в грозовой туче, в горном пруду на закате, в огне, который мы разожгли, дабы приготовить ужин. Она много чего провидит, моя Алис. Ты глупец, раз пришел один.

– Не будь я один, не пришел бы ты, – молвил Деймон.

– Но ты один, и вот я здесь. Излишне зажился ты, дядюшка.

– Единственное, в чем я с тобой соглашусь, – отвечал Деймон.

Затем старый принц велел Караксесу склонить шею и неуклюже

взобрался на его спину, а молодой – поцеловал свою женщину и легко запрыгнул на Вхагар, позабывшись застегнуть четыре короткие цепи, крепившие пояс к седлу. Деймон же оставил свои цепи свободными. Караксес зашипел вновь, наполнив воздух пламенем, Вхагар ответила ревом. В едином порыве драконы ринулись в небо.

Принц Деймон стремительно гнал Караксеса ввысь, подстегивая дракона кнутом со стальным наконечником, пока оба не скрылись в гряде облаков. Вхагар, более старая и намного более крупная, была и медлительнее. Собственная величина сделала ее неповоротливой, и она набирала высоту более плавно, расширяющимися кругами возносясь вместе со своим всадником над водами Божьего Ока. Час был поздний, солнце клонилось к закату, тихая гладь озера тускло блестела ровно лист чеканной меди. Все выше и выше поднималась Вхагар в поисках Караксеса, а снизу, из Харренхолла, с вершины башни Королевский Костер за ней наблюдала Алис Риверс.

Нападение удалось внезапным, как гром среди ясного неба. С пронзительным криком, что услыхали в дюжине миль оттуда, Караксес ринулся на Вхагар сверху, скрываемый ослепительным блеском заходящего солнца со стороны незрячего глаза Эймонда. Со страшной силой Кровавый Змей врезался в старую драконицу. Два дракона, черневших на фоне кроваво-красного неба, схватились и рвали друг друга в куски, и эхо их рева раскатывалось над Божим Оком. Их пламя пылало столь ярко, что рыбаки внизу опасались, как бы не вспыхнули сами облака. Сцепившиеся драконы низверглись к озеру. Челюсти Кровавого Змея сомкнулись на шее Вхагар, его черные зубы погружались все глубже в плоть громадной драконицы. Даже когда когти Вхагар разодрали его брюхо, а зубы оторвали крыло, Караксес лишь вгрызался сильнее, терзая ее рану – а озеро с ужасающей скоростью неслось им навстречу.

И вот тогда, как повествуют нам предания, принц Деймон Таргариен перекинул ногу через седло и перепрыгнул на другого дракона. В руке он сжал Темную Сестру, меч королевы Висенни.

Эймонд Одноглазый в ужасе взирал на противника, возясь с цепями, что удерживали его в седле. Деймон сорвал с племянника шлем и вонзил меч в его пустую глазницу с такой силой, что острие вышло сзади из шеи молодого принца. Через пол-удара сердца драконы рухнули в озеро, взметнув, как говорили, столб воды высотой с башню Королевский Костер.

Как говорили видевшие сие рыбаки, ни человек, ни дракон не могли пережить подобного удара. И не пережили. Караксес сумел протянуть достаточно, дабы выплыти на сушу. Выпотрошенный, лишившийся одного крыла, Кровавый Змей нашел в себе силы выбраться из дымившихся вокруг него вод на берег озера и испустил дух под стенами Харренхолла. Туша Вхагар погрузилась на дно озера, и горячая кровь из отверстий раны на ее шее превратила воду на месте упокоения в кипяток. Несколько годами позже, по завершении Танца Драконов, Вхагар отыскали. Скелет принца Эймонда в латах так и остался прикованным к седлу, а Темная Сестра – по рукоять вонзенной в его глазницу.

Не можем мы усомниться и в гибели принца Деймона. Останков его так и не нашли, но в том озере течения причудливы, а рыба прожорлива. Певцы рассказывают нам, что старый принц пережил падение, а после вернулся к девице Крапиве, дабы провести остаток дней своих рядом с ней. Подобные истории хороши для чарующих песен, но плохи для хроник.

Драконы сгинули в танце над Божьим Оком в двадцать второй день пятой луны 130 года 3.Э. Деймону Таргариену было сорок девять лет в день его смерти, принцу же Эймонду едва исполнилось двадцать. Возраст Вхагар, наивеличайшей из таргариеновских драконов после кончины Балериона Черного Ужаса, исчислялся ста восьмьюдесятью одним годом. Так ушло последнее живое существо из времен Завоевания Эйгона, когда сумерки и тьма поглотили проклятую твердыню Черного Харрена. Однако столь мало очевидцев случилось поблизости, что весть о последней битве принца Деймона широко разошлась лишь какое-то время спустя.

А в Королевской Гавани Рейнира Таргариен с каждым новым предательством чувствовала себя все более одинокой. Заподозренный в измене Аддам Веларион сбежал, прежде чем его успели подвергнуть допросу с пристрастием. Повелев взять под стражу Аддама Велариона, ее милость потеряла не только дракона и наездника, но и своего десницу... А ведь большая часть воинства, отплывшего с Драконьего Камня завоевывать Железный трон, состояла из людей, присягнувших дому Веларионов. Как только стало известно, что лорд Корлис томится в темнице под Красным замком, они принялись покидать королеву сотнями. Некоторые уходили на площадь Сапожника, примыкая к собиравшимся там толпам, иные же выбирались через боковые ворота или даже через стены, намереваясь вернуться на Дрифтмарк. Но и тем, кто остался, доверять было нельзя.

В тот же день, вскоре после заката, двор ее милости постигло еще одно несчастье. Хелейна Таргариен, сестра, жена и королева Эйгона II, мать его детей, выбросилась из окна крепости Мейгора и погибла, пронзенная железными пиками, что усеивали сухой ров под стеной. Ей был всего двадцать один год.

К ночи на улицах и в переулочках Королевской Гавани, в тавернах, борделях и кабаках, даже в священных септах пересказывали более темные слухи. Королеву Хелейну убили, слышались шепотки, как ранее – ее сыновей. Принц Дейрон и его драконы скоро будут у ворот, и вместе с ними придет конец владычеству Рейниры. А старая королева предрешила, что молодой единокровной сестре не должно жить и упиваться ее падением – и послала к ней сира Лютора Ларджента. Он схватил Хелейну огромными грубыми ручищами и выбросил в окно на пики внизу.

Вскорости слухи об «убийстве» королевы Хелейны были на устах половины Королевской Гавани. То, как скоро в такое поверили, показывает, как быстро город обернулся против своей некогда возлюбленной королевы. Рейниру ненавидели; Хелейну любили. Столичное простонародье не забыло и жестокого убийства принца

Джейхейриса, что содеяли Кровь и Сыр. Конец Хелейны был милосердно быстрым: одна из пик пробила горло, и женщина умерла, не издав и звука. А на другом конце города, на холме Рейнис, в миг гибели Хелейны ее драконица Пламенная Мечта вскинулась и издала рев, сотрясший Драконье Логово. И две цепи из тех, что удерживали зверя, разорвались. Королева Алисента, узнав о кончине дочери, разодрала одежды и призывала ужасные проклятья на голову своей соперницы.

В ту ночь Королевская Гавань разродилась кровавым бунтом.

Волнения начались в закоулках Блошиного Конца, куда из кабаков, винных погребков и крысиных ям сотнями стекались люди – злые, пьяные, перепуганные. Отсюда бунтовщики разбежались по всему городу, взывая о справедливости для погибших принцев и их убитой матери. Они переворачивали телеги и повозки, громили лавки, грабили и поджигали дома. На золотых плащах, пытавшихся остановить беспорядки, нападали и избивали в кровь. Не щадили никого: ни людей высокого происхождения, ни низкого. Лордов забрасывали нечистотами, рыцарей стаскивали с седла. Брата леди Дарлы Деддингс, Давоса, прямо при ней закололи ударом в глаз, когда он хотел защитить сестру от трех пьяных конюхов, пытавшихся над ней надругаться. Моряки, что не могли воротиться на свои корабли, напали на Речные ворота и вступили в яростную схватку с городской стражей. Дабы рассеять их, понадобились сир Лютор Ларджент и четыреста копий. К тому времени ворота уже наполовину разнесли, а сто человек были мертвы или умирали; четверть из таковых составляли золотые плащи.

На площади Сапожника шум бунта был слышен со всех сторон. Городская стража явилась во всей своей силе: пятьсот человек в черных кольчугах, стальных шлемах и золотых плащах, вооруженные короткими мечами, копьями и шипастыми дубинками. Они построились в южной части площади, за стеной из щитов и копий. Их возглавлял сир Лютор Ларджент: верхом на одоспешенном боевом коне, с длинным мечом в руке. Одного лишь вида его

хватило, дабы сотни бросились врассыпную по улочкам, переулкам и тупикам. Еще сотни побежали, когда сир Лютор повелел золотым плащам двигаться вперед.

Однако десятки тысяч оставались. Толпа стояла столь плотно, что даже те, кто бежали бы с радостью, оказались неспособны сдвинуться с места, сдавленные, сжатые, стиснутые со всех сторон. Когда под медленный бой барабана на них начали надвигаться копья, некоторые рванулись вперед, взявшись за руки, и принялись кричать и сыпать проклятьями.

– Прочь с дороги, проклятое дурачье! – взревел сир Лютор. – Расходитесь по домам! Вам не причинят зла! По домам!

Кое-кто говорит, что первым погибшим был пекарь, лишь удивленно крякнувший, когда острие копья пронзило его плоть, и он узрел, как краснеет его фартук. Другие утверждают, что то была маленькая девочка, растоптанная боевым конем сира Лютора. Из толпы полетел камень, рассекший одному из копейщиков бровь. Раздались выкрики и проклятия, палки, камни и ночные горшки дождем обрушились с крыш, а на другом конце площади лучник принялся пускать стрелы. В одного из стражников ткнули факелом, и его золотой плащ сразу охватило пламя.

В золотых плащах состояли здоровые, молодые, сильные мужи, обученные, хорошо вооруженные и в добротных доспехах. Двадцать ярдов, или немногим более, стена их щитов держалась, и они прорубили кровавый путь сквозь толпу, оставляя вокруг себя мертвых и умирающих. Но их насчитывалось лишь пять сотен, а бунтовщиков – десятки тысяч. Упал один стражник, затем – другой. И вдруг чернь стала просачиваться сквозь бреши в строю, пуская в ход ножи, камни и даже зубы; стражников облепили со всех сторон, на них нападали сзади, в них швыряли черепицу с крыш и балконов.

И стычка обернулась бунтом, а бунт перешел в резню. Окруженных со всех сторон золотых плащей обступили столь тесно, что они не могли использовать оружие в давке. Многие пали, пронзенные своими же мечами. Прочих рвали на куски, забивали до

смерти ногами, затаптывали, рубили мотыгами и мясницкими ножами. Даже грозный сир Лютор Ларджент в такой бойне уцелеть не возмог. Меч вырвали из его руки, Ларджента стащили с седла, ударили ножом в живот, и забили до смерти булыжником. Его шлем и голову так раздробили, что только по величине и удалось опознать его тело, когда на следующий день прибыли телеги, собирающие мертвцев.

В ту долгую ночь над одной половиной города властвовал хаос, а из-за другой перегрызлись никому не ведомые лорды и короли беспорядка. Межевой рыцарь с имечком сир Перкин Блоха короновал собственного оруженосца Тристана, юношу шестнадцати лет, который объявил, что приходится побочным сыном покойному королю Визерису. Любой рыцарь может посвятить в рыцари кого угодно. И когда сир Перкин принялся оделять рыцарским званием всех наемников, воров или подручных мясника, стекавшихся под рваное знамя Тристана, сотни мужей и юнцов явились ему присягнуть.

К рассвету пожары полыхали по всему городу. Площадь Сапожника усеяли тела погибших. Полчища разбойников бродили по Блошиному Концу, вламывались в лавки и жилища и творили грубое насилие над каждым попавшимся им честным человеком. Выжившие золотые плащи отступили в казармы, а на улицах господствовали трущобные рыцари, ряженые короли и безумные пророки. Подобно тараканам, с которыми они имели сходство, худшие из них разбежались перед рассветом, вернувшись в убежища и подвалы, дабы проспаться после попоек, поделить награбленное и смыть кровь с рук. Золотые плащи Старых и Драконьих ворот выступили под началом сира Бейлона Берча и сира Гарта Заячей Губы и к полудню сумели восстановить некое подобие порядка на улицах к северу и востоку от холма Висенни. Сир Медрик Мандерли, возглавив сотню воинов из Белой Гавани, проделал то же самое к северо-востоку от Высокого холма Эйгона, вплоть до Железных ворот.

Оставшаяся часть Королевской Гавани по-прежнему пребывала в хаосе. Когда сир Торрхен Мандерли повел своих северян вниз по Крюку, они обнаружили, что Рыбный рынок и Речной Ряд кишат трущобными рыцарями сира Перкина. У Речных ворот над зубчатыми стенами реяло рваное знамя «короля» Тристана, а на самих воротах висели тела капитана стражи и трех его сержантов. Остатки гарнизона «грязнолапых» перешли к сиру Перкину. Сир Торрхен потерял четверть своих людей, с боем пробиваясь обратно к Красному замку... и легко отделался по сравнению с сиром Лорентом Марбрандом, который повел сотню рыцарей и латников в Блошиный Конец. Вернулось шестнадцать. Сира Лорента, лордом-командующего Королевской гвардии Рейниры, среди них не было.

К закату Рейнира Таргариен постигла, что напасти сыплются на нее со всех сторон, и все ее правление обернулось крахом. Королева пришла в ярость, когда узнала, что Девичий Пруд перешел к противнику, девица по прозванию Крапива бежала, а собственный возлюбленный супруг предал ее. Рейниру охватила дрожь, когда с приходом темноты леди Мисария предупредила ее, что грядущая ночь будет еще страшнее прошедшей. На рассвете в Тронном зале было около сотни человек, но они ускользали прочь один за другим.

Ее милость металась между гневом и отчаянием и столь неистово хваталась за Железный трон, что к закату обе ее руки оказались в крови. Она вручила начальствование над золотыми плащами сиру Бейлону Берчу, капитану стражи Железных ворот⁷; послала воронов с просьбами о помощи в Винтерфелл и Орлиное Гнездо; повелела подготовить указ об объявлении вне закона и лишении всех прав Мутонов из Девичьего Пруда; объявила юного сира Глендона Гуда лордом-командующим своей Королевской гвардии (хотя ему было лишь двадцать и он стал одним из Белых Мечей не более луны назад, ранее в тот день Гуд отличился во время

---

⁷ В этом месте в оригинале, видимо, неточность, поскольку Бейлон Берч еще дважды упоминается в качестве капитана Старых ворот Королевской Гавани, а не Железных.

схватки в Блошином Конце. Именно он вернул тело сира Лорента, не дав мятежникам возможности над ним поглумиться).

Эйгон Младший постоянно находился возле матери, но редко говорил что-либо. Тринадцатилетний принц Джоффри надел доспехи оруженосца и выпрашивал у королевы дозволение добраться на коне до Драконьего Логова и оседлать Тираксеса.

– Матушка, я хочу сражаться за тебя, подобно моим братьям. Позволь мне доказать, что я так же храбр, как они.

Однако слова Джоффри лишь укрепили Рейниру в ее решении.

– Они оба были храбры, а теперь оба мертвы. Мальчики мои...
Милые...

И ее милость в очередной раз запретила принцу покидать замок.

С заходом солнца весь сброд Королевской Гавани опять вылез из своих подвалов, нор и крысиных ям. И было их намного более, нежели прошедшей ночью.

У Речных ворот сир Перкин устроил пир из награбленных припасов для своих трущобных рыцарей. А затем повел их к набережной, дабы обирать причалы, склады и все корабли, не сумевшие выйти в море. Хотя Королевская Гавань и славилась толстыми стенами и крепкими башнями, но их создавали для защиты от нападения извне, а не изнутри города. Особливо слабым был гарнизон Божьих ворот, ибо его капитан и треть людей погибли с сиром Лютором Ларджентом на площади Сапожника. Оставшихся, среди которых имелось много израненных, орды сира Перкина легко одолели.

Не прошло и часа, как распахнулись еще и Королевские ворота, и Львиные. От первых золотые плащи бежали, а у вторых «львы» смешались с толпой. Тroe из семи ворот Королевской Гавани открылись перед врагами Рейниры.

Однако наиужаснейшая угроза для власти королевы таилась внутри города. С приходом сумерек на площади Сапожника собралась новая толпа, вдвое более и втрой перепуганнее вчерашней. Подобно столь презираемой ею королеве, чернь с трепетом

вглядывалась в небо, страшась, как бы до конца ночи не появились драконы короля Эйгона, а следом за ними и войско. Люди не верили более, что ее милость возможет их защитить.

И когда безумный однорукий пророк, прозвываемый Пастырем, возвысил голос против драконов – не только тех, чьего нападения они ожидали, но против всех живущих драконов, – толпа, сама уже полубезумная, вняла его словам.

– Когда явятся драконы, – вопил пророк, – плоть ваша загорится, запузырится и изойдет пеплом! Жены ваши запляшут в огненных платьях, и будут визжать, пока горят, нагие и непристойные в пламени! И узрите вы, как малые дети ваши будут плакать и плакать, пока глаза их не расплавятся и студнем не потекут по лицам! Пока их розовая плоть не почернеет и не захрустит на костях! Неведомый грядет, грядет он, грядет, карать нас за грехи наши! И мольбами его гнева не остановить, как не потушить слезами пламя драконов! Только кровь на сие способна! Твоя кровь, моя кровь, их кровь!

Затем он воздел обрубок своей правой руки и указал на холм Рейнис за спиной, где под звездами чернело Драконье Логово.

– Вон она, демонова обитель, вон она! Сей город принадлежит им! Ежели хотите его себе, поначалу должно вам истребить их! Ежели очищенья от греха ищете, сперва кровью драконьей омойтесь! Ибо адово пламя потушит лишь кровь!

И десять тысяч глоток исторгли вопль: «Убить их! Убить их!». И, ровно огромный зверь с десятком тысяч лап, агнцы Пастыря пришли в движение. Они пихались и толкались, размахивали факелами, потрясали мечами, ножами и более грубым оружием, брели и бежали по улицам и переулкам к Драконьему Логову. Кое-кто передумал и незаметно улизнул домой, но вместо каждого ушедшего явилось трое, дабы пристать к драконоборцам. И когда толпа достигла холма Рейнис, ее численность удвоилась.

На другом конце города, на вершине Высокого холма Эйгона, королева, ее сыновья и придворные наблюдали за нападением с крыши крепости Мейгора. Ночь была черна и пасмурна, а факелы

столь многочисленны, что, казалось, все звезды спустились с небес, дабы штурмовать Драконье Логово. Как только пришла весть о движении разъяренной толпы, Рейнира послала всадников к Старым воротам, к сиру Бейлону, и к Драконым – к сиру Гарту, повелев им разогнать чернь и защитить королевских драконов... но при царившей в городе сумятице не было никакой уверенности, что всадники пробились. А если и пробились, верных золотых плащей осталось слишком мало, дабы иметь хоть какую-то надежду на успех. Когда принц Джоффри стал умолять мать разрешить ему выехать с придворными рыцарями и воинами Белой Гавани, королева отказалась.

– Раз они захватили тот холм, то наш будет следующим, – сказала она. – Нам понадобится каждый меч, дабы защитить замок

– Они убьют драконов, – страдальчески произнес принц Джоффри.

– Или драконы убьют их, – непреклонно ответила его мать. – Пусть горят. Излишне жалеть о них королевство не будет.

– Матушка, а если они убьют Тираксеса? – спросил принц.

В такое королева не верила.

– То подонки. Пьянь, дурачье и трущобные крысы. Раз отведают драконьего пламени и сбегут.

Отозвался придворный шут Грибок, заявив:

– Может, и пьянь, но упившиеся люди не знают страха. Дурачье, о да, но дурак может убить короля! Крысы, что тоже верно, но тысяча крыс свалит и медведя! Я видал такое разок, там, в Блошином Конце...

Ее милость повернулась обратно к перилам.

Лишь когда послышался рев Сиракс, собравшиеся наверху обнаружили, что принц незаметным и зловещим образом исчез.

– Нет, – раздался голос королевы, – я запрещаю, запрещаю...

Но в тот самый миг, когда звучали ее слова, ее драконица вознеслась со двора. На каких-то пол-удара сердца Сиракс

опустилась на зубцы замковой стены – и устремилась в ночь. Сын королевы с мечом в руке прижимался к ее спине.

– За ним, – закричала Рейнира, – мужи, юноши, все по коням, по коням, за ним! Верните его, верните, он же не знает! Сынок, милый мой... Сыночка!

Но было уже слишком поздно.

Мы не отваживаемся притязать на понимание связи между драконом и всадником; сию тайну столетиями разгадывали мудрецы. Нам известно, однако, что драконы – не лошади, на которых может ездить любой, кто набросит седло им на спину. Сиракс принадлежала королеве и никогда не знала иного всадника. Вид и запах принца были ей известны, и присутствие кого-то знакомого, неуклюже возящегося с ее цепями, не тревожило ее. Однако носить Джоффри на себе могучая желтая драконица вовсе не желала. Торопясь улететь, прежде чем его остановят, принц запрыгнул на Сиракс без седла и кнута. Надобно полагать, что мальчик намеревался либо лететь на Сиракс в бой, либо, что вероятнее, пересечь город, дабы добраться до Драконьего Логова и своего Тираксеса. Возможно, он собирался также выпустить из Логова и остальных драконов.

Холма Рейнис Джоффри так и не достиг. Оказавшись в воздухе, драконица забилась под мальчиком, силясь освободиться от непривычного всадника. А еще более разъярили ее летевшие снизу камни, копья и стрелы, что метали бунтовщики. Над Блошиным Концом принц Джоффри сорвался со спины Сиракс и упал наземь с высоты в две сотни футов.

Принц разбился близ места, где сходятся пять переулков. Сперва он ударился о крутой скат крыши, затем покатился вниз и пролетел еще сорок футов, сопровождаемый градом сорванной черепицы. Говорили, что при падении мальчик изломал спину, что обломки кровли сыпались на него, ровно ножи. Что его собственный меч, вылетев из руки, вонзился принцу в живот. В Блошином Конце по сей день утверждают, что дочь свечника по имени Робин убаюкивала

изломанного принца в своих объятьях, дабы дать умирающему утешение. Но такая повесть в большей мере легенда, нежели история. Якобы с последним вздохом Джоффри сказал: "Матушка, прости"... Впрочем, люди до сих пор спорят о том, обращался ли принц к своей матери-королеве, или же молился Небесной Матери.

Так погиб Джоффри Веларион, принц Драконьего Камня и наследник Железного трона, последний из сыновей королевы Рейниры от Лейнора Велариона... или последний из ееbastardов от сира Харвина Стронга, смотря кто во что предпочитает верить.

А пока по переулкам Блошиного Конца текла кровь, на вершине холма Рейнис, вокруг Драконьего Логова, разгоралась другая битва.

Грибок не ошибся: полчища изголодавшихся крыс, когда они в достаточном числе, в самом деле валят и быков, и медведей, и львов. Не важно, скольких возможет убить бык или медведь – крыс всегда больше. Они кусают громадного зверя за ноги, впиваются зубами в брюхо, карабкаются на спину. Той ночью так и вышло. У крыс в людском обличье были копья, секиры, шипастые дубины и с полусотню других видов оружия, среди которых и длинные луки, и арбалеты.

Послушные велению королевы, золотые плащи Драконьих ворот выдвинулись из казарм на защиту холма, однако пробиться сквозь толпу не могли и вернулись обратно. Гонец, отправленный к Старым воротам, туда не добрался. Драконье Логово также охраняли стражники, но число их было невелико. Когда толпа выбила двери (внушительные главные ворота, окованные бронзой и железом, выдержали бы нападение, но в здании было еще десятка два входов поменьше) и полезла сквозь окна, стражу быстро смяли и перебили.

Возможно, нападавшие надеялись застать драконов спящими, но грохот штурма сделал подобное невозможным. Те, кто выжил, дабы позже поведать о случившемся, говорили о воплях, криках, о витавшем в воздухе запахе крови, о дверях из дуба и железа, разбиваемых в щепки грубыми таранами, и об ударах бесчисленных топоров. Великий майстер Манкан позже написал: «Редко когда

сразу столько людей с таким рвением восходило на свой погребальный костер! Но их обуяло безумие». В Драконьем Логове обитало четыре дракона. И в тот миг, когда первые из нападавших хлынули на песок, все четверо были разбужены, взбудоражены и разъярены.

Нет согласия между хронистами в том, сколько мужчин и женщин сгинуло в ту ночь под огромным куполом Драконьего Логова: две сотни или все-таки две тысячи. На каждого погибшего приходилось по десятку обгоревших, но выживших. Драконы в Логове оказались в западне – сдерживаемые стенами и куполом, скованные тяжелыми цепями, они не могли ни улететь прочь, ни использовать крылья, дабы уклониться от нападения или устремиться с высоты на своих противников. Вместо сего им приходилось сражаться за жизнь рогами, когтями и зубами, бросаясь то туда, то сюда, подобно быкам в крысиных ямах Блошиного Конца... но быки здесь были огнедышащими. Драконье Логоvo превратилось в огненный ад, где в дыму, шатаясь, бродили с воплями горящие люди. С их чернеющих костей отваливалась плоть, но место каждого погибшего занимал десяток других, истощно вопивших, что драконам должно умереть. И они умирали – один за другим.

Первой пала Шрикос. Ее убил лесоруб, известный как Хобб Дровосек. Взобравшись на драконью шею, он обхватил ее ногами и с размаху вонзил топор в череп зверя, пока Шрикос изгибалась и ревела, пытаясь сбросить человека. Хобб нанес семь ударов, и каждый раз, опуская топор, возглашал имя одного из Семерых. Седьмой удар, удар Неведомого, прошел сквозь чешую и кости в мозг драконицы и убил ее.

Моргул, как пишут, был убит Пылающим Рыцарем, огромным грубым детиной в тяжелой броне, который с копьем в руке безрассудно кинулся прямо в драконье пламя. Раз за разом наконечник копья пронзал глаз зверя, даже когда огонь расплавил

стальной доспех, защищавший тело человека, и стал пожирать его плоть.

Тираксес, дракон принца Джоффри, как нам рассказывают, отступил в свое логовище. Он изжарил столь многих самопризванных драконоборцев, бросившихся следом, что из-за груды тел пройти за ним стало невозможно. Но надобно припомнить, что в каждой из сих рукотворных пещер имелось два выхода: один вел на песок ямы, второй – на склон холма. И вскоре бунтовщики вломились через «черный ход», с воем пробираясь сквозь дым с мечами, копьями и топорами. Когда Тираксес развернулся, его цепи перепутались. Дракон оказался оплетен стальной паутиной, которая роковым образом ограничила его движения. Полдюжины мужчин (и одна женщина) позже будут утверждать, что именно они нанесли зверю смертельный удар.

Последний из четырех драконов Логова погиб не столь легко. Легенда гласит, что Пламенная Мечта освободилась от двух своих цепей при кончине королевы Хелейны. Теперь же, когда толпа надвинулась на нее, драконица оторвала столбы от стен, разбив оставшиеся оковы. После сего Пламенная Мечта вгрызлась в толпу зубами и когтями, отрывая людям руки и ноги и раздирая в клочья, и вместе с тем изрыгая свой ужасный огонь. Когда же прочие сомкнулись вокруг нее, драконица взлетела и начала кружить вдоль пещер Драконьего Логова, то и дело низвергаясь, дабы напасть на людей. Тираксес, Шрикос и Моргул умертили многих, в том нет ни малейшего сомнения, но Пламенная Мечта погубила более народа, нежели остальные трое, вместе взятые.

Сотни бежали в ужасе от ее огня... но еще сотни рвались в бой, то ли пьяные, то ли обезумевшие, то ли одержимые отвагой самого Воина. Даже под самой вершиной купола Пламенная Мечта оставалась легко досягаемой для лучников и арбалетчиков – куда бы она ни повернула, стрелы с болтами летели в нее, со столь близкого расстояния, что кое-какие даже пробивали ее чешую. Где бы драконица ни пыталась опуститься, люди скопом нападали на нее и

гнали обратно в воздух. Дважды она подлетала к большим бронзовым воротам Драконьего Логова, но лишь дабы обнаружить, что они затворены, загорожены и защищены рядами копий.

Не имея возможности скрыться, Пламенная Мечта разила вновь, не щадя своих мучителей. Песок ямы усеяли обугленные тела, а воздух густо пропитался дымом и смрадом горящей плоти, но копья и стрелы все летели. Конец наступил, когда арбалетный болт попал драконице в глаз. Полуослепшая и обезумевшая от дюжины менее тяжких ран, Пламенная Мечта расправила крылья и взмыла прямо к огромному куполу в последней отчаянной попытке пробиться в вольные небеса. Уже ослабленный струями драконьего огня, купол треснул от моши удара. И миг спустя половина его обвалилась, похоронив под тоннами каменных обломков и дракона, и драконоборцев.

Штурм Драконьего Логова завершился. Четыре дракона Таргариенов были повержены, хотя и чудовищной ценой. Но собственный дракон королевы еще оставался живым и свободным... и когда обожженные и окровавленные люди, уцелевшие после бойни в Логове, спотыкаясь, покидали задымленные руины, Сиракс обрушилась на них сверху.

Через весь город прокатилось эхо тысячи воплей и криков, смешанных с драконьим ревом. На вершине холма Рейнис желтый огонь короной увенчал Драконье Лого, пылавшее столь ярко, что казалось – восходит солнце. Даже королева трепетала от увиденного, и на щеках ее блестели слезы. Многие из свиты Рейниры, кто был с ней на крыше, бежали, опасаясь, что огонь скоро охватит весь город, даже Красный замок на вершине Высокого холма Эйгона. Другие же бросились в септу замка, дабы молиться об избавлении. А сама Рейнира обняла, неистово прижав к груди, своего последнего живого сына, Эйгона Младшего. И не отпускала его... до того ужасного мига, когда пала Сиракс.

Будучи без цепей и всадника, Сиракс легко могла спастись от сего безумия. Ведь ей принадлежало небо. Она могла воротиться в

Красный замок или вообще покинуть город, улетев на Драконий Камень. Что привлекло ее на холм Рейнис? Шум и огонь, рев и стоны умирающих драконов, запах горящей плоти? Мы не можем знать наверняка, как не можем знать и того, почему Сиракс предпочла наброситься на толпу, разрывая людей зубами и когтями и истребляя дюжинами – хотя могла столь же легко сверху изливать на них потоки огня, ибо в небесах ни один человек не причинил бы ей зла. Мы можем передать только то, что произошло.

Истории о гибели дракона королевы крайне разноречивы. Некоторые верят, что сие совершили Хобб Дровосек и его топор, хотя почти наверняка ошибочно. Разве мог бы на самом деле один и тот же человек убить двух драконов в одну и ту же ночь одним и тем же способом? Кое-кто говорит о безымянном копейщике, «залитом кровью великане», который спрыгнул с треснувшего купола Драконьего Логова прямо на спину дракона. Другие повествуют, как рыцарь, именуемый сиром Уорриком Уитоном, отрубил крыло Сиракс мечом из валирийской стали. Арбалетчик по имени Бин впоследствии приписывал убийство себе, хвастаясь им во многих тавернах и погребках, пока некий сторонник королевы, которому надоел длинный язык болтуна, не отрезал его. Истину никто никогда не узнает – кроме того, что Сиракс в ту ночь нашла смерть.

Потеряв и дракона, и сына, Рейнира Таргариен стала мертвенно-бледна и безутешна. Она удалилась в свои покои, в то время как ее сподвижники держали совет. Королевская Гавань потеряна – соглашались все; город придется оставить. Не без труда удалось убедить ее милость выехать на рассвете наступающего дня. Грязные ворота пребывали в руках ее врагов, а все корабли по реке сгорели либо затонули. Рейнира с невеликой свитой выскользнула через Драконьи ворота, вознамерившись держать путь вдоль побережья к Сумеречному Долу. Королеву сопровождали братья Мандери, четверо уцелевших королевских гвардейцев, сир Бейлон Берч с двадцатью золотыми плащами, четыре фрейлины и ее последний оставшийся в живых сын, Эйгон Младший.

Многое множество событий происходило также в Тамблтоне, и на сие место теперь нам должно обратить свой взор. Когда весть о беспорядках в Королевской Гавани достигла лагеря принца Дейрона, немало молодых лордов воспыпало желанием без промедления наступать на город. Главными среди них были сир Джон Рокстон, сир Роджер Корн и лорд Анвин Пик... но сир Хоберт Хайтауэр советовал поостеречься. А Два Изменника отказались принимать участие в любом наступлении, пока их требования не будут удоволены. Ульф Белый, как можно припомнить, хотел получить великий замок Хайгарден со всеми его землями и доходами. Ну а Крепкий Хью Молот желал никак не менее, нежели корону для самого себя.

Сей разлад достиг своего предела, когда в Тамблтоне с опозданием узнали о гибели Эймонда Таргариена в Харренхолле. Короля Эйгона II не было ни видно, ни слышно со времени перехода Королевской Гавани к его единокровной сестре Рейнире. Многие опасались, что королева втайне предала его милость смерти и сокрыла тело, дабы ее не осудили как убийцу родичей. Теперь же, после кончины его брата Эймонда, зеленые оказались и без короля, и без вождя. Следующим по порядку наследования шел принц Дейрон. Лорд Пик заявил, что его немедля надлежит провозгласить принцем Драконьего Камня; другие же, полагая Эйгона II мертвым, желали короновать юношу.

Два Изменника также ощущали потребность в короле... но Дейрон Таргариен не был тем властителем, которого им хотелось.

– Дабы возглавить нас, надобен сильный человек, а не мальчишка! – объявил Крепкий Хью Молот. – Трону должно быть моим!

Когда Храбрый Джон Рокстон потребовал обосновать, по какому праву тот осмелился именовать себя королем, лорд Молот ответил:

– По тому же праву, что и Завоеватель. Дракон!

И в самом деле, после гибели Вхагар наистарейшим и наивеличайшим из живущих драконов всего Вестероса оставался

Вермитор – в прошлом дракон Старого короля, ныне – Крепкого Хью Молота,bastarda. По величине Вермитор втрое превосходил Тессарион, драконицу принца Дейрона. Ни один человек, хотя бы мельком видевший их вместе, не усомнился бы в том, что Вермитор являл собой зверя гораздо более устрашающего.

Хотя честолюбивые устремления Молота не пристали человеку столь низкого рождения, в сем бастарде, несомненно, наличествовала толика крови Таргариенов. Он показал себя свирепым в бою и щедрым с теми, кто шел за ним, являя великодушие того рода, которое притягивает к вождю людей так, как труп притягивает мух. Несомненно, то были худшие из худших: наемники, разбойные рыцари и им подобный сброд. Люди порченых кровей и неясного происхождения, они любили битву ради нее самой, а жили насилием и грабежом.

Тем не менее, дерзость притязаний Изменника оскорбила лордов и рыцарей Староместа и Простора, а более всего – самого принца Дейрона Таргариена. Он так разгневался, что швырнул чашу с вином в лицо Крепкому Хью. Лорд Белый узрел в сем не более, нежели пустую трату хорошего вина, а лорд Молот произнес:

– Малышам надо быть повежливее, когда говорят мужчины. Похоже, отец тебя порол не часто – гляди, как бы я сего не восполнил.

Два Изменника ушли с совета вместе и принялись замышлять коронование Молота. Когда Крепкого Хью увидели днем позже, он носил корону из черного железа – к ярости принца Дейрона и его высокородных лордов и рыцарей.

Один из таковых, сир Роджер Корн, даже осмелился сбить ее с головы Молота.

– Корона не делает человека королем, – заявил он. – Тебе, кузнец, подобает надеть на голову конскую подкову.

Глупым был сей поступок, и лорда Хью он не позабавил. По велению Молота его люди повалили сира Роджера на землю, и бастард кузнеца прибил гвоздями к черепу рыцаря не одну, а целых

три подковы. Когда друзья Корна попытались вмешаться, в ход пошли кинжалы и мечи, в итоге трое пали мертвыми, а дюжину ранили.

Верные принцу Дейрону лорды подобного стерпеть уже не могли. Лорд Анвин Пик и Хоберт Хайтаэр (последний – без особой охоты) созвали одиннадцать других лордов и ленных рыцарей на тайный совет в погребе одной из гостиниц Тамблтона, дабы обсудить, как поубавить дерзости незаконнорожденным драконым всадникам. Заговорщики согласились, что от Белого будет проще избавиться, ибо последнее время он чаще бывал пьян, нежели трезв, и никогда не выказывал особой воинской доблести. Молот был куда как опаснее, ибо его день и ночь окружали прихлебатели, лагерные потаскухи и наемники, искавшие его расположения. Лорд Пик указал, что от убийства Белого будет мало пользы, если Молот останется в живых. Крепкому Хью долженствовало пасть первым. Споры в гостинице под вывеской «Кровавые шипы» вышли долгими и шумными, ибо лорды обговаривали, как лучше всего совершить сие.

– Убить можно любого, – заметил сир Хоберт Хайтаэр, – но что делать с драконами?

Сир Тайлер Норкросс сказал, что и одной Тессарион должно хватить им, дабы завоевать Железный трон – ибо Королевская Гавань охвачена смутой. Лорд Пик отвечал, что с Вермитором и Среброкрылой победа будет более верной. Марк Амброз предлагал вначале захватить город, а позже, добыв победу, избавиться от Белого и Молота, но Ричард Родден назвал подобное деяние бесчестным.

– Нельзя просить людей проливать свою кровь вместе с нами, а затем убивать их, – положил конец спорам Храбрый Джон Рокстон. – Мы убьемbastardov теперь же. После чего наиотважнейшие из нас заберут себе их драконов и полетят на них в бой, – и никто в погребе не сомневался, что Рокстон говорит о себе.

Хотя принц Дейрон не присутствовал на совете, Шипы (под таким прозванием стали известны заговорщики) не захотели действовать без его согласия и благословения. Под покровом ночи лорд Сидрхолла, Оуэн Фоссовей, отправился к принцу, дабы разбудить его и провести в погреб. Там заговорщики посвятили Дейрона в свои замыслы. Некогда кроткий принц не стал колебаться, когда лорд Анвин Пик подал ему указы о казни Крепкого Хью Молота и Ульфа Белого, но охотно приложил к ним свою печать.

Люди могут иметь замыслы, строить заговоры, плести интриги, но вернее было бы им ко всему прочему еще и молиться, ибо никогда ни один замысел человека не мог противиться прихотям богов небесных. Два дня спустя, именно тогда, когда Шипы рассчитывали нанести удар, Тамблтон посреди ночи пробудили крики и вопли. За стенами города полыхали станы; колонны рыцарей в доспехах надвигались с севера и запада, сея смерть и разорение. С небес дождем сыпались стрелы, а над городом витал дракон, ужасный и беспощадный.

Так началась Вторая битва при Тамблтоне.

Тем драконом был Морской Туман, а всадником его – сир Аддам Веларион, полный решимости доказать, что не все бастарды – перевертыши. Можно ли было исполнить сие наилучшим образом, нежели отбив Тамблтон у Двух Изменников, чье предательство запятнalo и его самого? Певцы уверяют, что сир Аддам полетел из Королевской Гавани к Божьему Оку, где опустился на священном Острове Ликов и просил совета у Детей Леса. Ученым, однако, должно придерживаться достоверных фактов. Нам доподлинно известно лишь то, что сир Аддам летал далеко и скоро, навещая великие и малые замки лордов, сохранивших верность королеве, дабы собрать воинство.

В землях, омываемых Трезубцем, прошло уже немало битв и мелких стычек, и редкая крепость или деревня не уплатила кровавую пошлину... но Аддам Веларион был непреклонен, решителен и красноречив, а речные лорды уже понаслышались об ужасах, что

обрушились на Тамблтон. К тому времени, как сир Аддам изготовился нанести удар по городу, за ним стояло почти четыре тысячи человек.

Огромное войско, разбившее лагерь у стен Тамблтона, числом превосходило нападавших, но оно излишне долго пребывало на одном месте. Порядка в нем поубавилось, множились болезни, гибель лорда Ормунда Хайтауэра оставила воинство без вождя, а лорды, желавшие занять его место, не ладили друг с другом. Они были столь поглощены собственными распрями и соперничеством, что позабыли о своих истинных противниках. Ночное нападение сира Аддама застало их врасплох. Воины принца Дейрона еще только выбирались из палаток, седлали лошадей, пытались облачиться в доспехи и пристегнуть перевязи с мечами, не успев понять, что вокруг идет бой... А враг уже был среди них и рубил всех подряд.

Более всего разрушений принес дракон. Морской Туман вновь и вновь устремлялся вниз, выдыхая пламя. Скоро пылала уже сотня палаток, в том числе и роскошные шелковые шатры сира Хобарта Хайтауэра, лорда Анвина Пика и самого принца Дейрона. Не пощадили и город Тамблтон – те лавки, дома и септы, что уцелели в первый раз, поглотил драконий огонь.

Когда свершилось нападение, Дейрон Таргариен почивал в своей палатке. Ульф Белый в Тамблтоне отсыпался после ночной попойки в захваченной им гостинице, именуемой «Беспутный барсук». Крепкий Хью Молот тоже находился в городе – в постели с вдовой некоего рыцаря, сгинувшего в первой битве за Тамблтон. А все три дракона находились вне городских стен, в полях за лагерем.

Хотя Ульфа Белого пытались пробудить от пьяного сна, сие оказалось невозможным. Он бесславно закатился под стол, где и прохрапел всю битву. Крепкий Хью Молот оказался более поворотлив: он, полуодетый, сбежал по лестнице во двор, требуя себе молот, доспехи и коня, дабы выехать за стены и сесть на Вермитора. Его люди поспешили повиноваться – Морской Туман как

раз подпалил конюшни. Но во дворе уже появился лорд Джон Рокстон.

Заметив Крепкого Хью, Рокстон понял, что его час настал, и молвил:

- Лорд Молот, мои соболезнования.
- С чего? – хмуро повернулся к нему Молот.

– Вы пали в битве, – ответил Храбрый Джон, выхватил Оставляющего Сирот и глубоко всадил его в живот Молота, а потом рассек бастарда от чресел до горла.

Дюжина людей Крепкого Хью подоспела как раз вовремя, дабы узреть его кончину. Даже клинок валирийской стали, подобный Оставляющему Сирот, мало чем поможет человеку, когда он один против десятерых. Храбрый Джон Рокстон сразил троих, прежде чем погиб сам. Говорят, он был убит, когда поскользнулся на внутренностях Хью Молота, но сия деталь, пожалуй, излишне иронична, дабы являться истиной.

Имеются три разноречивых описания смерти принца Дейрона. Наиболее известное из них утверждает, что принц, спотыкаясь, выскочил из своего шатра в горящей ночной рубашке, лишь дабы пасть от удара шипастой булавы мирийского наемника Черного Тромбо, размозжившего принцу лицо. Сию историю предпочитал рассказывать повсюду сам Черный Тромбо. Другая история мало чем отличается от первой – в ней принца сразил меч, а не булава, и убийца его – не Черный Тромбо, а некий безвестный латник, который, скорее всего, даже не понял, кого зарубил. В третьем изложении храбрый юноша, которого знали как Дейрона Отважного, и вовсе не выбирался наружу, а погиб, когда на него рухнул горящий шатер.

Будучи в небесах, Аддам Веларион мог видеть, как битва внизу превращается в побоище. Двоих из троих вражеских драконьих всадников уже сгинули, но у Аддама не было возможности узнать сие. Однако он, без сомнения, видел драконов неприятеля – освобожденные от цепей, те содержались вне городских стен и были

вольны летать и охотиться, как им вздумается. Среброкрылая и Вермитор часто сплетались друг с другом в полях к югу от Тамблтона, тогда как Тессарион спала и ела в лагере принца Дейрона к западу от города, едва ли в сотне ярдов от его шатра.

Драконы – создания из огня и крови, и все трое были взбудоражены битвой, кипевшей вокруг них. Говорят, что какой-то арбалетчик послал болт в Среброкрылую, а десятка четыре конных рыцарей приблизились к Вермитору с мечами, топорами и копьями, надеясь разделаться со зверем, пока тот еще не проснулся толком и находился на земле. Они поплатились жизнями за свое безрассудство. Откуда-то с поля, рыча и извергая пламя, в воздух взметнулась Тессарион, и Аддам Веларион повернул Морского Тумана ей навстречу.

Драконья чешуя значительно (хотя и не полностью) невосприимчива к огню. Она защищает более уязвимую плоть и мускулы. По мере старения дракона его чешуя утолщается и твердеет, делая защиту все крепче, хотя пламя дракона с возрастом и жжет все горячее и яростнее (если огонь детеныша может поджечь солому, то пламя Балериона или Вхагар на пике их моши было способно расплавить – и плавило – сталь и камень). Посему два дракона, сходясь в смертельном бою, зачастую пускают в ход не огонь, а иное оружие. Когти, черные, как железо, длинные, как мечи, и острые, как бритвы. Челюсти, столь мощные, что могут сокрушить даже стальной доспех рыцаря. Хвосты, подобные кнутам, чьи хлещущие удары, как известно, разносили телеги в щепки, ломали хребты крепких боевых коней и подбрасывали людей в воздух на пятьдесят футов.

Схватка Тессарион и Морского Тумана была иной.

История называет борьбу между королем Эйгоном II и его сестрой Рейнирой Танцем Драконов, но лишь в Тамблтоне драконы воистину танцевали. Тессарион и Морской Туман были молодыми драконами, более проворными в полете, нежели их старшие собратья. Снова и снова они устремлялись один на другого – но лишь дабы в последнее мгновение кто-то из них увернулся. Они

парили, как орлы, падали камнем вниз, ровно ястребы, кружили, отрызаясь, рыча и выдыхая огонь – но так ни разу и не сошлись. Однажды Синяя Королева исчезла в гряде облаков, но лишь дабы, появившись миг спустя, наскочить на Морского Тумана сзади и опалить его хвост сполохом кобальтового огня. Меж тем Морской Туман вертелся, изворачивался и петлял. Только что он был под своей противницей – и вот, внезапно развернувшись в небе, уже оказался позади нее. Все выше и выше поднимались драконы, а сотни очевидцев взирали на них с тамблтонских крыш. Позже один из таковых сказал, что полет Тессарион и Морского Тумана более походил на брачный танец, нежели на бой.

Возможно, так оно и было.

Танец прервался, когда в небеса с ревом вознесся Вермитор.

Почти ста лет от роду и столь же огромный, как оба его молодых сородича, вместе взятые, бронзовый дракон с широкими бурыми крылами поднялся в воздух разъяренным, и кровь дымилась в дюжине его ран. Оставшись без всадника, он не отличал друга от врага, и потому обращал свой гнев на всех, изрыгая пламя налево и направо, свирепо набрасываясь на каждого, кто отважился бросить в него копье. Один из рыцарей пробовал спастись бегством, но Вермитор ухватил его своими челюстями, сдернув прямо со скачущего галопом коня. Невдалеке на невысоком холме находились лорды Пайпер и Деддингс вместе со своими оруженосцами, слугами и охранителями – все сгорели, когда их случайно заметил Бронзовый Гнев. А мигом позже на него самого налетел Морской Туман.

Изо всех четырех драконов, бывших на поле боя в тот день, лишь у Морского Тумана имелся всадник. Сир Аддам Веларион явился, дабы доказать свою преданность сокрушением Двух Изменников и их драконов. И вот внизу один из сих зверей нападал на людей, что пришли сражаться вместе с Веларионом. Вероятно, юноша счел себя обязанным защитить их, хотя в глубине души наверняка сознавал, что его Морскому Туману не совладать с более древним драконом.

То был не танец, но смертный бой. Морской Туман сверху обрушился на Вермитора, летевшего не более чем в двадцати футах над битвой, и отбросил его, рычащего, в грязь. И юнцы, и мужи либо в ужасе бежали, либо пали, раздавленные двумя драконами, что катались по земле и терзали друг друга. В воздухе хлопали крылья и щелкали хвосты, но звери так переплелись, что ни один не мог освободиться. Ту схватку видел Бенджикот Блэквуд, будучи верхом на коне в пятидесяти ярдах от нее. Много лет спустя лорд Блэквуд говорил, что Вермитор был излишне велик и тяжел для Морского Тумана – и неизбежно разодрал бы серебристо-серого дракона на куски... если бы в тот самый миг Тессарион не рухнула с неба, дабы вступить в бой.

Кто может знать сердце дракона? Простая ли жажда крови сподвигла Синюю Королеву напасть? Явилась ли она на помощь одному из бойцов? Если да, то которому? Некоторые утверждают, будто связь меж драконом и его всадником столь глубока, что зверь разделяет любовь и ненависть своего повелителя. Но кто там был союзником, а кто – противником? Различает ли дракон без наездника друзей и врагов?

На подобные вопросы мы никогда не получим ответов. Все, что говорит нам история – три дракона сражались посреди грязи, крови и дыма Второго Тамблтона. Морской Туман погиб первым: Вермитор сомкнул зубы на его шее и оторвал голову. После бронзовый дракон попытался взлететь с добычей в пасти, но разодранным крылам поднять его вес оказалось невмочь. Через мгновение он пал наземь и испустил дух. Тессарион, Синяя Королева, дожила до заката. Трижды пыталась она подняться в небо, и трижды не возмогла. К исходу дня Тессарион, похоже, изнемогала от боли, посему лорд Блэквуд призвал своего лучшего стрелка – лучника, известного как Билли Берли. Тот пристроился в сотне ярдов (вне досягаемости огня умирающей драконицы) и послал три стрелы в глаз Тессарион, беспомощно лежавшей на земле.

К закату сражение завершилось. И хотя речные лорды потеряли менее сотни воинов, предав мечу более тысячи человек из Староместа и Простора, но взять город им не удалось. Посему нападавшие не могли считать Второй Тамблтон истинной победой. Стены города все еще были невредимы, люди короля отступили за них и закрыли ворота. Проломить их, не имея ни осадных орудий, ни драконов, войска королевы не могли. Но все же они учинили великое побоище своим растерявшимся и смятым врагам, сожгли их палатки, уничтожили или захватили все их повозки, корма и съестные припасы, истребили три четверти их боевых скакунов, умертвили их принца и покончили с двумя драконами короля.

Наутро после битвы захватчики Тамблтона, взглянув с городских стен, обнаружили, что их враги ушли. Повсюду вокруг города лежали мертвые, и среди них распластались тела трех драконов. Уцелела одна Среброкрылая, в прежние времена летавшая под седлом Доброй королевы Алисанны. Когда началась резня, она взлетела в небо и часами кружила над полем браны, паря в потоках горячего воздуха, восходивших от пожаров на земле. Лишь с приходом темноты она опустилась возле своих убитых родичей. Позже певцы будут рассказывать, как Среброкрылая трижды приподнимала носом крыло Вермитора, будто пытаясь помочь ему взлететь, но сие скорее сказка. Восход солнца застал драконицу в поле – она безучастно перелетала с места на место, поедая обгоревшие останки коней, людей и быков.

Пали восемь из тринадцати Шипов, и среди них лорд Оуэн Фоссовей, Марк Амброз и Храбрый Джон Рокстон. Ричард Родден получил стрелу в шею и скончался день спустя. Выжило всего четыре заговорщика, в их числе сир Хоберт Хайтаэр и лорд Анвин Пик. И хотя Крепкий Хью Молот погиб, а с ним – его мечты о короне, оставался и второй Изменник. Ульф Белый очнулся от пьяного сна и обнаружил, что является последним наездником на последнем драконе.

– Молот мертв, и ваш мальчишка тоже, – как утверждают, заявил он лорду Пику. – Я – все, что у вас есть.

И когда лорд Пик поинтересовался его намерениями, Белый ответил:

– Мы выступаем, как вы и хотели. Вы возьмете город, а я беру проклятый трон. Что скажете?

Следующим утром сира Хоберта Хайтауэра призвали к Ульфу Белому, дабы подробно обсудить захват Королевской Гавани. Он принес с собой подарок: два бочонка вина, один с дорнийским красным, второй с арборским золотым. И хотя Ульф-Пропойца никогда не пробовал вина, которое ему бы не понравилось, он слыл любителем винца посланце. Несомненно, сир Хоберт надеялся потягивать кислое красное, пока лорд Ульф наливался бы арборским золотым, но что-то в его поведении вызвало подозрения Белого. (Оруженосец, что им прислуживал, позднее показал, что Хайтаэр потел, заикался и был излишне любезен.) Насторожившись, Пропойца велел убрать до поры дорнское красное и настоял, дабы сир Хоберт разделил с ним арборское золотое.

Немногое способна поведать история о сире Хоберте Хайтаэре, но никто не сможет усомниться в обстоятельствах его смерти. Вместо того, чтобы предать своих собратьев-Шипов, он позволил оруженосцу наполнить его чашу, отпил изрядно и попросил еще. Узрев, что Хайтаэр пьет, Ульф-Пропойца оправдал свое именование, осушив три чаши, прежде чем начал зевать. Яд в вине был мягким. И когда лорд Ульф уснул, дабы не проснуться более, сир Хоберт вскочил и попытался вызвать у себя рвоту – но слишком поздно. Не прошло и часа, как его сердце остановилось.

После сего лорд Анвин Пик предложил тысячу золотых драконов любому рыцарю благородного происхождения, который сумеет покорить Среброкрылую. Вызвались трое. Когда первый остался без руки, а второй сгорел заживо, третий передумал. К тому времени воинство Пика, остатки великой рати, что принц Дейрон и лорд Ормунд Хайтаэр вели от самого Староместа, разваливалось на

части. Воины десятками покидали Тамблтон со всей добычей, что могли унести. Смирившись с поражением, лорд Анвин собрал своих лордов и сержантов и велел отступать. Обвиненный в предательстве Аддам Веларион, урожденный Аддам из Халла, спас Королевскую Гавань от врагов королевы... ценой собственной жизни.

Однако королева ничего не знала о его доблести. Побег Рейниры из Королевской Гавани сопровождало многое множество тягот. В Росби при ее приближении ворота замка закрылись. Кастелян юного лорда Стоквортса окзал королеве гостеприимство, но только на ночь. Половина золотых плащей в дороге исчезла, а в одну из ночей на ее лагерь напали разбойники. И хотя рыцари одолели напавших, но сира Бейлона Берча сразила стрела. А сир Лионель Бентли, молодой рыцарь Королевской гвардии, получил удар по голове, от которого раскололся его шлем, и на следующий день скончался в бреду. Королева поспешила к Сумеречному Долу.

Дом Дарклинов принадлежал к числу наиболее рьяных сторонников Рейниры, но такая верность дорого им обошлась. Только вмешательство сира Гаррольда Дарка убедило леди Мередит Дарклину хотя бы допустить королеву в свой замок (Дарки были дальними родичами Дарклинов, и сир Гаррольд некогда служил оруженосцем у покойного сира Стеффона). Но и то лишь при условии, что Рейнира долго здесь не задержится.

У королевы не осталось ни золота, ни кораблей. Отправив лорда Корлиса в темницу, Рейнира потеряла свой флот. Бежав из Королевской Гавани в страхе за свою жизнь, она ни монеты с собой не взяла. Отчаявшаяся и испуганная, ее милость побледнела и осунулась. Она не могла спать, не ела и отказывалась разлучаться с принцем Эйгоном, своим единственным выжившим сыном – мальчик находился при ней денно и нощно, «ровно маленькая бледная тень».

Рейнире пришлось продать свою корону, дабы изыскать деньги и заплатить за место на «Виоланде», браавосском купеческом судне. Сир Гаррольд Дарк настоятельно советовал ей искать убежища у

леди Аррен в Долине, тогда как сир Медрик Мандерли пытался убедить королеву отправиться вместе с ним и его братом сиром Торрхеном в Белую Гавань, но ее милость отказалася им обоим. Она незыблемо стояла за возвращение на Драконий Камень. Там найдутся яйца драконов – так говорила Рейнира своим сторонникам; ей необходимо обзавестись другим драконом, или все потеряно.

Сильные ветра пригнали «Виоланду» ближе к берегам Дрифтмарка, нежели хотелось бы королеве. Трижды судно проходило на расстоянии оклика от военных кораблей Морского Змея, но Рейнира позаботилась, дабы ее не заметили. Наконец, на закате дня браавосец вошел в гавань под Драконьей горой. Королева выслала вперед ворона, дабы известить о своем приближении; и, спускаясь с корабля вместе с сыном Эйгоном, своими фрейлинами и тремя рыцарями Королевской гвардии – все, что осталось от ее свиты, – она заметила ожидавшее их сопровождение.

Когда королева и ее спутники сошли на берег, шел дождь, и в окрестностях гавани не было почти ни души. Даже портовые бордели казались темными и заброшенными, но ее милость сего не замечала. Сломленная предательством, немощная телом и духом, Рейнира Таргариен желала только одного – вернуться в свой замок. Ей представлялось, что там они с сыном будут в безопасности. Королева не знала, что последняя и наитягчайшая измена ожидает ее впереди.

Над ее сопровождением в сорок человек начальствовал сир Альфред Брум, один из тех, кого Рейнира оставила на острове, выступая на Королевскую Гавань. Брум являлся наистарейшим из рыцарей Драконьего Камня, начавшим службу в гарнизоне еще в правление Старого короля. Учитывая сие, он ожидал, что Рейнира, отправляясь завоевывать Железный трон, назначит его кастеляном... но угрюмый нрав сира Альфреда и его желчность не внушали ни расположения, ни доверия, посему королева предпочла ему более обходительного сира Роберта Квинса.

Когда Рейнира поинтересовалась, почему сир Роберт сам не явился, дабы встретить ее, сир Альфред ответил, что королева увидится с «нашим толстым другом» в замке. Так и случилось... правда, тело Квинса, когда они натолкнулись на него, оказалось обугленным и обгоревшим до неузнаваемости. Оно свисало с зубчатой стены над воротами – рядом с телами стюарда, мастера над оружием и капитана стражи Драконьего Камня. Рейнира и ее спутники признали сира Роберта только по величине, ибо он был неописуемо тучен.

Говорили, что кровь отлила от лица королевы, когда она узрела мертвых, но юный принц Эйгон первым понял, что сие значит.

– Матушка, бегите! – закричал он, но было уже поздно. Люди сира Альфреда набросились на защитников королевы. Топор раскроил голову сиру Гаррольду Дарку, прежде чем его меч успел покинуть ножны, а сиру Адриану Редфорту вонзили копье в спину. Лишь сир Лорет Лансдейл оказался достаточно проворен, дабы оборонять королеву. Он зарубил первых двух нападавших, прежде чем был убит сам – и вместе с ним умерла Королевская гвардия Рейниры. Когда Эйгон подхватил меч сира Гаррольда, сир Альфред с презрением выбил оружие из рук принца.

Мальчик, королева и ее фрейлины, подталкиваемые в спину копьями, прошли через ворота Драконьего Камня во двор замка. И оказались лицом к лицу с умирающим драконом... и мертвым человеком.

Чешуя Солнечного Огня все еще сияла при свете дня чеканным золотом. Однако, судя по тому, как он распластался на оплавленном черном валирийском камне двора, очевидно было, что Солнечный Огонь – наипрекраснейший из драконов, когда-либо паривших в небе Вестероса, – уже ни к чему не пригоден. Крыло, почти оторванное Мелеис, было неловко вывернуто, а на спине при каждом движении еще дымились и кровоточили свежие рубцы. Когда королева и ее свита впервые узрели Солнечного Огня, тот лежал, свернувшись клубком. Как только он пошевелился и поднял

голову, стали заметны глубокие раны на его шее, откуда другой дракон вырвал большие куски плоти. Кое-где на его брюхе место чешуи заместили струпья, а там, где надлежало быть правому глазу, зияла лишь пустая глазница, затянутая черной кровянной коркой.

Надлежит спросить, как наверняка и поступила Рейнира, как такое произошло.

Теперь нам известно многое, чего не знала королева. Как только ее драконы впервые появились в небесах над столицей, лорд Ларис Стронг Косолапый скрытно вывел короля и его детей из города. Дабы не идти через городские ворота, где их могли увидеть и запомнить, лорд Ларис провел беглецов за стены одним из потайных ходов Мейгора Жестокого, о котором знал только сам Косолапый.

Именно лорд Ларис также посоветовал изгнанникам разделиться, дабы, если кого-то из них пленят, прочие могли сохранить свободу. Сиру Рикарду Торну повелели сопроводить двухлетнего принца Мейлора к лорду Хайтауэру. Принцессу Джейхейру, простую и милую девочку шести лет, оставили на попечение сира Уиллиса Фелла, который поклялся доставить ее в целости и сохранности в Штормовой Предел. Ни один из двоих не ведал, куда направился другой, и потому, даже будучи схваченным, выдать его не возмог бы.

И только одному Ларису было ведомо, что король, избавившись от своих пышных одежд и закутавшись в просоленный плащ рыбака, скрывался среди груза трески на борту рыбачьего ялика, порученный заботам рыцаря-bastarda, имевшего родню на Драконьем Камне. Косолапый рассудил, что Рейнира непременно пошлет людей на поиски его милости, едва поймет, что он исчез... но лодка не оставляет следов на воде, да и мало кто из охотников додумался бы искать Эйгона на собственном острове его сестры, прямо под сенью ее твердыни.

Возможно, здесь скрывающийся, не представляющий угрозы Эйгон и оставил бы, притупляя свою боль вином и пряча шрамы от ожогов под плотным плащом... если бы на Драконьем Камне не

объявился Солнечный Огонь. Мы, как и многие, можем задаваться вопросом, что же тянуло его назад на Драконью гору. Быть может, некий древний инстинкт вернул раненого дракона с недолеченным крылом к дымящемуся вулкану, где он появился на свет из яйца? Или же Солнечный Огонь, через множество лиг, через штормовые моря, как-то ощутил присутствие короля Эйгона на острове, и прилетел туда, дабы воссоединиться со своим всадником? Некоторые заходят столь далеко, что полагают, будто Солнечный Огонь почувствовал, сколь отчаянно положение Эйгона. Но кто возможет счесть, что познал сердце дракона?

Злополучное нападение лорда Валиса Мутона изгнало Солнечного Огня с поля пепла и костей близ Грачиного Приюта. Затем история более чем на полгода теряет дракона из виду. (Байки, рассказываемые в замках Крэббов и Брюнов, уверяют, что в то время Солнечный Огонь мог найти убежище в темных сосновых лесах и пещерах на мысе Раздвоенного Когтя.) Его разорванное крыло зажило достаточно, дабы он мог летать, но срослось под уродливым углом и оставалось слабым. Солнечный Огонь более не мог ни парить, ни подолгу оставаться в воздухе, и ему приходилось прилагать усилия даже для коротких перелетов. И все же Солнечный Огонь как-то пересек воды Черноводного залива... потому что именно его нападение на Серого Призрака видели моряки с «Нессарии». Сир Роберт обвинил Каннибала... но заика Том Путаный Язык, который слышал более, нежели говорил, усердно потчевал волантийцев элем, и подметил, что они все время упоминали золотую чешую нападавшего дракона. Каннибал же, как отлично знал Путаный Язык, был черным ровно уголь. И вот Два Тома и их «родичи» (что правда лишь отчасти, потому как одной с ними крови был только сир Марстон,bastard сестры Тома Путаной Бороды от рыцаря, забравшего ее девичество) подняли парус на своей маленькой лодке, дабы разыскать убийцу Серого Призрака.

Обожженный король и изувеченный дракон обрели друг в друге новый смысл жизни. Эйгон ежерассветно отваживался покидать

укромное логово на безлюдных восточных склонах Драконьей горы и вновь подниматься в небо – впервые после Грачиного Приюта. Между тем Два Тома и их родич Марстон Уотерс вернулись на другую оконечность острова, дабы найти людей, готовых помочь им взять замок. Даже на Драконьем Камне, столь долго бывшим владением Рейниры и ее оплотом, они отыскали многих, кто недолюбливал королеву по причинам как достойным, так и сомнительным. Одни скорбели по братьям, сыновьям и отцам, сгинувшим во время Укрощения Драконов или битвы в Глотке. Другие искали поживы либо продвижения по службе. Иные же полагали, что сыну и впрямь должно наследовать прежде дочери, и сие дает Эйгону более прав на трон.

Своих лучших людей королева взяла с собой в Королевскую Гавань. Замок Драконий Камень, стоявший на острове, под защитой кораблей Морского Змея и высоких стен валирийской постройки, казался неприступным. Посему ее милость оставила для обороны невеликий гарнизон, большей частью состоявший из людей, что считались мало пригодными для иного дела. То были седобородые старики и зеленые мальчишки; хромцы, увальни и калеки; воины, оправляющиеся от ран, люди сомнительной верности, люди, заподозренные в трусости. Над ними Рейнира поставила сира Роберта Квинса, человека способного, но постаревшего и растолстевшего.

Все сходятся в том, что Квинс являлся непоколебимым сторонником королевы. Однако иные из подначальных ему людей были не столь верны; они затаили некое недовольство и злобу из-за старых обид, истинных или надуманных. Среди них выделялся сир Альфред Брум. Брум выказал ярое желание предать свою королеву в обмен на титул лорда, земли и золото, что ему посулили в случае если Эйгон вновь займет трон. Долгая служба в гарнизоне позволила ему сообщить людям короля обо всех сильных и слабых местах Драконьего Камня. Он знал, кого из стражников можно подкупить

или склонить на свою сторону, а кого надобно убить или бросить за решетку.

Когда настал срок, Драконий Камень пал менее чем за час. Воины, которых подговорил Брум, в час призраков открыли задние ворота, позволив сиру Марстону Утерсу, Тому Путаному Языку и их подручным незаметно проскользнуть в замок. Один отряд овладел оружейной, другой захватил верных стражников и мастера над оружием Драконьего Камня. А сир Марстон застиг майстера Ханимора в его воронятнике, и ни один ворон не успел вылететь из замка с вестью о нападении. Сир Альфред лично вел людей, что ворвались в покой кастеляна, застав врасплох сира Роберта Квинса. Пока Квинс пытался встать с постели, Брум вонзил копье в его огромный бледный живот. Удар был такой силы, что острие пробило насеквоздь тело сира Роберта, перину и соломенный матрас и вошло в пол.

Замысел потерпел неудачу лишь в одном. Пока Том Путаный Язык и его головорезы ломали дверь в опочивальню леди Бейлы, дабы пленить ее, девочка выскоцила в окно и, карабкаясь по крышам и стенам, спустилась во двор. Люди короля позаботились поставить охрану у строения, где содержали драконов крепости, но Бейла выросла в замке и знала ходы и выходы, неизвестные преследователям. Когда ее настигли, Бейла уже сняла цепи с Лунной Плясуньи и надела на нее седло.

А далее было так. Король Эйгон II, пролетев на Солнечном Огне над дымящейся вершиной Драконьей горы, снижался, намереваясь торжественно вступить в замок. Он ожидал, что Драконий Камень благополучно пребывает в руках его людей, а сторонников королевы перебили или захватили. Но навстречу ему взлетела Бейла Таргариен, дочь принца Деймона от леди Лейны, столь же бесстрашная, как и ее отец.

Юная бледно-зеленая драконица с жемчужными рогами, гребнем и костями крыльев – такова была Лунная Плясунья. Если не учитывать больших крыльев, величиной она не превосходила

боевого коня, а весила и того менее. Однако Лунная Плясунья была весьма проворна, а Солнечному Огню, хоть и намного более крупному, по-прежнему досаждало изломанное крыло, к тому же он недавно был изранен Серым Призраком.

Драконы встретились посреди тьмы, что приходит перед рассветом: тени в небесах, своим огнем освещившие ночь. Лунная Плясунья уклонилась от челюстей и пламени Солнечного Огня, стрелой пронеслась под его цепкими когтистыми лапами, затем развернулась и располосовала большого дракона сверху, нанеся ему длинную дымящуюся рану вдоль спины и разодрав его покалеченное крыло. Люди, наблюдавшие за ними снизу, говорили, что Солнечный Огонь закачался, ровно хмельной, стараясь удержаться в воздухе... а Лунная Плясунья вновь повернула и ринулась на него, изрыгая огонь. Солнечный Огонь ответил жаркой струей золотого пламени, столь яркого, что оно осветило двор замка, будто второе солнце. Пламя угодило Лунной Плясунье прямо в глаза. Скорее всего, юная драконица мгновенно ослепла, но все же налетела на Солнечного Огня, сплетаясь с ним в клубок из крыльев и когтей. Пока драконы падали, Лунная Плясунья раз за разом вгрызалась в шею Солнечного Огня, вырывая куски плоти, а старший дракон вонзил когти ей в подбрюшье. Окутанная пламенем и дымом, слепая и истекающая кровью, Лунная Плясунья отчаянно била крылами, пытаясь вырваться, но все ее усилия лишь замедлили падение.

Люди во дворе разбежались, расталкивая друг друга, дабы спастись, когда драконы, все еще сражаясь, обрушились на твердый камень. На земле изворотливость Лунной Плясуньи оказалась бесполезной против величины и веса Солнечного Огня. Вскоре зеленая драконица затихла. Золотой дракон издал победный крик и попытался взлететь снова, но лишь дабы рухнуть на землю, истекая горячей кровью из ран.

Король Эйгон спрыгнул с седла, когда драконы были еще в двадцати футах от земли, и сломал обе ноги. Леди Бейла не покинула

Лунную Плясунью до самого конца. Обожженная и помятая, девочка все же нашла силы отстегнуть седельные цепи и отползти, пока ее дракон корчился в предсмертных судорогах. Когда Альфред Брум вытащил меч, дабы прикончить Бейлу, Марстон Уотерс вырвал клинок из его руки. Том Путаный Язык отнес девочку к майстеру.

Так король Эйгон II завоевал родовой замок дома Таргариенов, но цена, уплаченная им, оказалась ужасной. Солнечный Огонь более не мог летать. Он оставался во дворе, где упал, питаясь останками Лунной Плясуньи, а позднее овцами, забитыми для него гарнизоном. А Эйгон II прожил остаток дней своих в великих мучениях... хотя, к его чести, на сей раз его милость отказался от макового молока.

– Более по такой дороге я не пойду, – заявил он.

Спустя некоторое время, когда король с изломанными, увязанными в лубки ногами возлежал в Великом чертоге Каменного Барабана, из Сумеречного Дола прибыл первый из воронов королевы Рейниры. Как только Эйгон узнал, что его единокровная сестра будет возвращаться домой на «Виоланде», он повелел сиру Альфреду Бруму подготовить для нее «подобающий прием».

Сейчас все сие нам ведомо. Но ничего не было ведомо королеве, когда она ступила на берег в ловушку своего брата.

Рейнира расхохоталась, когда узрела, что осталось от Солнечного Огня, Золотого Дракона.

– Кто сотворил сие? – сказала она. – Нам должно благодарить его.

– Сестра! – сверху с балкона позвал король. Несспособного ходить и даже стоять Эйгона принесли туда в кресле. Из-за раздробленного в Грачином Приюте бедра он сделался согбенным и перекошенным, черты лица, некогда привлекательные, расплылись от макового молока, а половину тела покрывали рубцы от ожогов. Однако Рейнира узнала его тотчас же и произнесла:

– Дорогой братец... Я надеялась, что ты сгинул!

– После тебя, – ответствовал Эйгон. – Ты старше.

– Отрадно узнать, что ты еще помнишь о том, – откликнулась Рейнира. – Похоже, мы твои пленники... но не думай, что будешь долго нас удерживать. Верные лорды найдут меня.

– Возможно, если поищут в семи преисподних, – промолвил король, когда его люди вырвали Рейниру из объятий сына. В одних описаниях говорится, что королеву за руку схватил сир Альфред Брум, другие же называют двух Томов: отца, Путаную Бороду, и сына, Путаного Языка. Свидетелем тому был также сир Марстон Уотерс, облаченный в белый плащ, – за доблесть Эйгон принял его в свою Королевскую гвардию.

Однако ни Уотерс, ни кто-либо из других присутствовавших во дворе рыцарей и лордов не произнес ни слова протesta, когда король Эйгон II отдал свою единокровную сестру дракону. Говорят, поначалу казалось, что Солнечный Огонь не проявил никакого интереса к приношению, пока Брум не уколол грудь ее милости кинжалом. Запах крови возбудил дракона, который принюхался к королеве, а затем обдал ее струей огня, столь внезапно, что у отбегавшего сира Альфреда воспламенился плащ. Рейнира Таргариен еще успела поднять голову к небу и выкрикнуть одно, последнее проклятие единокровному брату, прежде чем Солнечный Огонь сомкнул челюсти, отрывая ее руку вместе с плечом.

Золотой дракон пожрал королеву в шесть глотков, оставив лишь левую ногу от голени и ниже «для Неведомого». Ее сын взирал на то в ужасе, будучи не в силах пошевелиться. Рейнира Таргариен, Отрада Королевства и Королева На Полгода, покинула сию юдоль слез в двадцать второй день десятой луны 130 года после Завоевания Эйгона, будучи тридцати трех лет от роду.

Сир Альфред Брум настаивал также на убииении принца Эйгона, однако король сие запретил. Он заявил, что мальчик, хотя и всего лишь десяти лет от роду, может оказаться полезен как заложник. Невзирая на гибель Рейниры, сторонники ее еще не покинули поле брани; с ними долженствовало управиться, прежде чем его милость мог бы надеяться вновь воссесть на Железный трон. Посему принцу

Эйгону наложили цепи на руки, ноги и шею и отвели в темницы под Драконьим Камнем. Фрейлинам же покойной королевы, как особам благородного происхождения, предоставили кельи в башне Морского Дракона, где им надлежало дожидаться выкупа.

– Закончилось время прятаться, – объявил Эйгон II. – Пусть летят вороны, и да узнает королевство, что самозванка мертва, и законный король направляется домой, дабы вернуть трон своего отца.

Однако даже законные короли могут изведать, что некоторые дела намного проще провозгласить, нежели совершить.

Во дни, последовавшие за смертью его единокровной сестры, король еще цеплялся за надежду, что Солнечный Огонь возможет обрести силы, дабы взлететь вновь. Однако дракон как будто лишь все более слабел; вскоре раны на его шее начали источать смрад, даже выдыхаемый дым отдавал гнилью, а ближе к концу он перестал есть. На девятый день двенадцатой луны 130 года после 3.Э. великолепный золотой дракон, гордость короля Эйгона, испустил дух во дворе Драконьего Камня, на месте своего падения. Его милость плакал.

Когда печаль его утихла, Эйгон II созвал верноподданных и наметил замыслы возвращения в Королевскую Гавань: заявить права на Железный трон и вновь воссоединиться со своей леди-матерью. Вдовствующая королева в конце концов торжествовала победу над своей великой соперницей, хотя бы в том, что пережила ее.

– Рейнира никогда не была королевой, – объявил король, потребовав, дабы впредь во всех хрониках и дворцовых записях его единокровная сестра именовалась только «принцессой». Титул же королевы сохранялся лишь за его матерью Алисентой и покойной женой и сестрой Хелейной, «истинными королевами». Так и было предписано указом.

Но торжество Эйгона оказалось столь же недолговечным, сколь и горько-сладким. Рейнира погибла, но дело ее не сгинуло вместе с ней, и новые рати черных шли в поход, даже когда король вернулся в Красный замок. Эйгон II вновь воссядет на Железный трон, но

никогда не оправится от своих ран, не познает ни покоя, ни радости. Правление его после возвращения на престол продлится лишь полгода.

Впрочем, описание того, как пал Второй Эйгон и как ему наследовал Третий, – повесть для иного случая. Война за трон продолжится, но соперничество, что началось на придворном балу, когда принцесса оделась в черное, а королева – в зеленое, подошло к своей кровавой развязке. Тем и завершается данная часть нашей истории.